

Воронежский Государственный Университет
Факультет международных отношений
Кафедра международных отношений и регионоведения
Научное Общество Факультета международных отношений

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

8

Специальный выпуск

Воронеж
2010

ББК 66.3
УДК 323.2
П 50

Редакционная коллегия:
проф., д.полит.н А.А. Слинько (пред.),
доц., к.и.н. В.И. Сальников (секретарь ред.коллегии),
преп., к.и.н. М.В. Кирчанов (сост.)

Политические изменения в Латинской Америке: история и современность / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений Воронежского государственного университета, 2010. – Вып. 8. – 91 с.

ББК 66.3
УДК 323.2 П 50

**«Многие считают Бразилию полудикой страной»,
но «у бразильцев действительно есть Родина»,
или Бразильская Империя на излете:
бразильские сюжеты во французском
романе-путешествии 1880-х годов**

Бразильская Империя на протяжении нескольких десятилетий своего существования не развивалась в изоляции, активно контактируя с американскими и европейскими государствами. На территории Южной Америки ее важнейшими партнерами и порой соперниками были Аргентина, Уругвай и Парагвай. В Северной Америке важнейшим партнером были Соединенные Штаты. В Европе Бразильская Империя поддерживала отношения с многими государствами, но важнейшими партнерами были, разумеется, родственные в языковом и культурном плане, романские государства, среди которых бесспорным культурным и интеллектуальным ориентиром в течение длительного времени оставалась Франция.

За период существования Бразильской Империи Франция успела несколько раз сменить свое государственное устройство, что почти не повлияло на наличие устойчивого интереса в Бразильской Империи к французской литературе¹, а во Франции – к далекой Южноамериканской Империи. Во Франции существовал значительный интерес к Южной Америке, который проявился в особом жанре литературы, обязанным своим появлением развитию печатного станка, тому, что книги становились более доступными, а круг их потребителей-читателей резко расширился за счет усиления буржуазных элементов, что было, в свою очередь, связано с кризисом «высокой культуры», которая базировалась на узком элитарном потреблении продукции, одной из характеристик которой была сингулярность.

Кризис «высокой культуры», вызванный развитием капитализма и политическим триумфом национализма, породил серийное и массовое, в том числе – и литературное, потребление. В XIX веке европейская литературная традиция обретает важное качество, которым стала серийность и массовость. Если в XX столетии наиболее серийной литературой была детективная, то в XIX веке подобная роль принадлежала жанру приключенческого романа и связанного с ним романа-путешествия – путевого очерка, путевых записок и воспоминаний. В тематическом разнообразии европейских французских романистов присутствовали и сюжеты, связанные с Латинской Америкой.

---

¹ Подобного интереса не избежали и другие государства Южной Америки. См.: Carilla E. El Romanticismo en la America Hispanica / E. Carilla. – Madrid, 1958; Карилья Э. Романтизм в Испанской Америке / Э. Карилья / пер. с исп. М. Деев, ред. В. Маликов. – М., 1965.

Среди крупнейших французских писателей, работавших в жанре приключенческого романа, был Густав Эмар (Оливье Глу, 1818 – 1883). Латиноамериканские сюжеты присутствуют, например, в романах «Твердая рука» и «Гамбусино»², где затронуты проблемы политического характера, показаны освободительные движения латиноамериканских наций. В творческом наследии Г. Эмара выделяется книга «Новая Бразилия»³, представляющая собой путевые очерки и записки, в центре которых – поездка французского писателя в Бразильскую Империю в начале 1880-х годов⁴. Текст этот интересен в контексте развития национального и политического воображения⁵, формирования своеобразной «воображаемой географии»⁶, функционирования и изменения перцепции далекой латиноамериканской страны во Франции, где к моменту написания Г. Эмаром своей книги республиканская идентичность была достаточно устойчивой и развитой.

Обратимся непосредственно к интересующему нас тексту, в котором мы можем выделить несколько дискурсов, связанных с Бразильской Империей.

Первый дискурс – это дискурс окраинности, периферийности.

В этом контексте Рио-де-Жанейро в ранней Бразильской Империи предстает как топос архаичности: «...улицы эти были узки, грязны, темны, плохо мощены, молчаливы и безлюдны, с плотно опущенными занавесями и

---

² Россия / СССР / РФ пережили несколько волн интереса к творчеству Густава Эмара. Первая волна – дореволюционная – связана, в частности, с появлением на русском языке двенадцатитомного собрания сочинений писателя (Эмар Г. Собрание сочинений / Г. Эмар. – СПб., 1899. – Т. 1 – 12). Вторая волна – это эпизодические советские публикации, большинство из которых совпало со временем заката СССР. На данном этапе предпочтение отдавалось изданию книг, которые можно было интегрировать в советский идеологический канон (Эмар Г. Твердая рука. Гамбусино / Г. Эмар. – М., 1982). Третья волна представлена изданиями 1990-х годов, когда, в частности, были вновь опубликованы дореволюционные переводы (Эмар Г. Фланкер. Новая Бразилия / Г. Эмар. – М., 1994).

³ Эмар Г. Фланкер. Новая Бразилия / Г. Эмар. – М., 1994.

⁴ В разделе все цитаты из книги «Новая Бразилия» приводятся по электронной версии: http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

⁵ Anderson B. Nação e consciência nacional / B. Anderson. – São Paulo, 1989; Anderson B. Comunidades imaginadas, reflexões sobre a origem e a expansão do nacionalismo / B. Anderson. – Lisboa, 2005; Anderson B. Problemas dos nacionalismos contemporâneos / B. Anderson // TMRON. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 16 – 26; Benedict Anderson: um inquitto observador de estrelas // TMRON. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 9 – 15; Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / B. Anderson. – NY., 1983; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001; Андерсон Б. Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму / Б. Андерсон. – Київ, 2001.

⁶ В теоретическом плане см.: Balakrishnan G. A imaginação nacional / G. Balakrishnan // Um mapa da questão nacional / ed G. Balakrishnan. – Rio de Janeiro, 2000; Балакришан Г. Национальное воображение / Г. Балакришан // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 264 – 282; Чаттерджи П. Воображаемые сообщества: кто их воображает / П. Чаттерджи // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 283 – 296.

жалюзи окон, за которыми слышался иногда визгливый женский смех; лавки и магазины, грязные и темные, отличались каким-то особым зловонием. Навстречу попадались лишь грязные негры и негритянки да два-три европейца, случайно заблудившихся в безлюдной пустыне этих улиц...». Подобные образы были призваны подчеркнуть и продемонстрировать чуждость Бразильской Империи на начальном этапе развития просвещенной и образованной Европе.

Отсталость ранней Империи проявлялось, по мнению Г. Эмара, и в отношении женщин («...в то время бразильские дамы были совершенными невидимками, они никогда никуда не показывались, а пешком даже среди дня ни одна женщина, уважающая себя, не решилась бы выйти на улицу; только дамы *mediro – pelo* – метиски – осмеливались на это, да и то очень редко...»), что проявлялось в полном доминировании мужчины, что, в глазах француза 1870 – 1880-х годов, выглядело как проявление архаики, патриархальности и традиционности.

Второй дискурс – дискурс прогресса и развития, успешной модернизации, которую смогла провести Бразильская Империя.

Эта модернизация нередко имела чисто внешние проявления, что, в частности, отразилось на имперской столице – Рио-де-Жанейро. Комментируя перемены, которые произошли с главным городом Империи, Густав Эмар писал, что «...положительно не узнавал Рио-де-Жанейро! Роскошные магазины, кафе и рестораны встречались на каждом шагу; комфортабельные отели, чудные богатые дома; оживленная толпа веселых и деловитых лиц, какую можно встретить только на улицах Лондона и Парижа, роскошные и элегантные экипажи, всадники на щегольских конях – все это шло, ехало, стремилось куда-то. Женщины и мужчины, дамы и кавалеры, мастеровые и монахи толпились на тротуарах, и сверх всего этого трамвай, запряженные то парой, то четверкой рослых мулов, во всю прыть мчались по улицам взад и вперед...». Эмар констатировал значительные перемены в имперской столице («...лет тридцать тому назад все население города не превосходило цифры в сто пятьдесят тысяч душ, но с тех пор, благодаря всевозможным революциям, эмиграциям и удобству сообщения, население возросло с невероятной быстротой и теперь уже достигает шестисот тысяч душ, причем, как все заставляет предполагать, рост его на этом не остановится...»), создавая некую футуристическую перспективу развития города, связанную с модернизацией и социальными изменениями.

Третий дискурс – мода на Францию и все французское, характерное для носителей «высокой культуры» в Бразильской Империи.

Это, в частности, выражалось в том, что почти все представители политической элиты, а так же некоторые государственные служащие в империи знали французский язык. На французском языке, по свидетельству современников, прекрасно говорил второй бразильский император, знавший еще несколько европейских языков. Кроме этого Г. Эмар констатировал, что встречающие их имперские таможенные чиновники прекрасно говорили по-французски. На французском языке говорили и некоторые рабы, жившие в

домах бразильских франкофилов. Самая дорогая и роскошная гостиница в Рио-де-Жанейро в период пребывания Г. Эмара называлась «Франция». «Французское» присутствовало в жизни бразильской буржуазии. В частности, Г. Эмару, как почетному гостю, было предложено «позавтракать по-французски». В Бразильской Империи была известна и оказалась востребованной французская литература, в том числе – и произведения Г. Эмара, которые издавались не только в португальских переводах, но и читались в оригинальных версиях. Кроме этого, по свидетельству Г. Эмара, к концу 1870-х годов в Рио-де-Жанейро существовала и французская колония, которая насчитывала более двадцати тысяч человек.

Столь значительное знание Франции позитивно отличало Империю от самой Франции, где о Бразилии вышла одна книга обобщающего характера («Живописная Бразилия» Риебейроля, 1859), а многие почти ничего не знали: «...многие считают Бразилию полудикой страной, из которой мы получаем кофе и ничего более. Таково наше отношение к стране, в которой любая провинция чуть ли не больше целой Франции и которая имеет население в двенадцать миллионов душ, год от года увеличивающееся с поразительной быстротой...». В этом контексте путевые заметки Г. Эмара – попытка преодолеть стереотипы (этнические, политические и социальные) и сформировать новую позитивную «воображаемую географию» Бразильской Империи.

Четвертый дискурс – это политическое измерение Бразильской Империи.

Густав Эмар констатировал достаточно высокую степень развития свобод в Бразилии, как Империи, указывая на то, что «...газеты и журналы здесь в большинстве случаев все прекрасно организованы и поражают глубиной мысли и меткостью взгляда на вещи. Здесь царит безусловная свобода печати благодаря императору, который не допустил в этом деле никаких ограничений. Сатира полновластно клеймит и бичует все вызывающее насмешку или заслуживающее порицания, не щадя ни духовенства, ни монашества, ни каких бы то ни было высших учреждений, и император первый от души смеется...». Вероятно, в этом контексте заметна не только некоторая присущая для Г. Эмара идеализация Империи, но и попытка преподнести бразильский вариант развития политической прессы как универсальную модель, которую, возможно, следовало применить и в Европе.

Значительное внимание Густав Эмар уделил двум бразильским императорам.

Первый бразильский император, по его мнению, был «...натурой живой, сангвинической, из числа тех богатых энергией горячих натур, которые, когда их пыл умерен разумным воспитанием и образованием, а инстинкты направлены в хорошую сторону, страстно увлекаются всем прекрасным, совершают подвиги добра и становятся героями; если же они предоставлены самим себе или плохо направлены и необузданны, то предаются безумным излишествам и почти всегда губят себя...». Эмар создает образ первого императора как почти народного правителя: «...принц сумел прислушаться к народному голосу и различить известную нотку в гомоне толпы; видя, что

Рио, его столица, открыто вступает в борьбу, он добровольно принял временное собрание, санкционировал все права, присвоенные им себе от имени, народа, раскрыл двери всех тюрем, переполненных по его же приказу в день апрельского государственного переворота, словом, любезничал и заискивал перед жунтой...». Первый бразильский император для Г. Эмара, гражданина республиканской Франции – создатель бразильского политического национализма – политик и человек «великого ума», который был и первым «примерным гражданином».

В центре внимания Г. Эмара оказался и второй бразильский император. По мнению французского писателя (писавшего за несколько лет до падения Империи в Бразилии), второй император обладал несравнимо большими политическими талантами, чем его отец, которого вынудили отречься от престола и покинуть Империю. Если первый император – первый политический националист, то второй император для Г. Эмара – первый правитель Бразилии, рожденный именно в этой стране и, поэтому, «принятый ее народом». Густав Эмар давал Педру II весьма позитивные оценки, указывая на то, что император был «простым и непривычным к пышности и праздности, он предпочитал науку и занятия празднествам и увеселениям».

Густав Эмар культивировал образ Педру II как монарха-либерала и конституционалиста: «...конституция эта точно определяла все права и все обязанности каждого – и государя, и народа. Она провозглашала независимость Бразилии, верховную власть народа и независимость граждан. Это был своего рода контракт, или письменное условие, между государем и государством. Дон Педру II присягнул этой конституции сорок лет тому назад. Это по нашим временам весьма долгий срок для хартии... человек, принесший присягу этой конституции, никогда ни на мгновение не забывал этой присяги, честно исполнял данное им слово, ставя свой долг выше всего остального и во всем сохраняя и постоянно соблюдая данную им клятву... тщательный блюститель конституции, дон Педру II требовал исполнения всех законов конституции – карательных и оградительных, всех приговоров и постановлений суда с неумолимой твердостью и хладнокровием. Потому-то следует обвинять в некоторых, быть может, излишних строгостях не императора, а только конституцию...».

Густав Эмар констатировал наличие особого типа социальной коммуникации между бразильским императором и его подданными. Эмар был очевидцем еженедельных приемов императором граждан: «...по субботам от двух до пяти часов пополудни император еженедельно давал аудиенцию каждому, кто имел до него надобность, просьбу или жалобу. Каждый, кто только желал видеть императора и имел сказать ему что-нибудь, отправлялся по субботам прямо во дворец Сан-Кристобаль без всяких испрошений аудиенции, все просто входил во дворец, поднимался по большой парадной лестнице на первый этаж, проходил длинную галерею и входил в аудиенцзал, причем никто не интересовался входящими...». Процедура имела открытый характер, а на прием к императору могли прийти не только бразильцы, но и приезжие европейцы, для которых визит императорского

дворца в Сан-Кристоваль был частью местной бразильской экзотики. Подобная ситуация, по мнению Г. Эмара, была не проявлением политической архаичности Империи и тем, что император был вынужден играть патерналистские роли. Эмар полагал, что, это, наоборот, свидетельствует о политической открытости, либерализме и демократизме правящих элит, то есть является проявлением тех качеств, которые французы той эпохи не могли наблюдать в собственных политических элитах.

По мнению Г. Эмара, институт императорской власти в Бразилии имел позитивное значение («...в Европе такого рода вещи не долговечны: во Франции, например, случились бы, конечно, беспорядки, которые рано или поздно должны были бы кончиться революцией. Но в Бразилии, слава Богу, дела эти обстоят иначе. Там общие законы всегда живы и уважаемы и всякий покоряется им до мелочей. Никаких ложных толкований закона, никаких изысканий, чтобы выявить его слабые стороны и недостатки...»), будучи источником политической стабильности, что существенно отличало Бразильскую Империю от современной для Г. Эмара Франции. Образ второго бразильского императора в интерпретации Г. Эмара – это образ почти идеального правителя, своеобразный идеал, которого не достигли европейские политики того времени. Политическая система Империи в такой ситуации почти трансформируется в ту модель, некоторые элементы которой, как полагал французский писатель, следовало применить в Европе.

Пятый дискурс – расовая и, как следствие, национальная специфика характерная для Бразильской Империи.

Густав Эмар (подобно Машаду дэ Ассизу⁷) полагал, что социальные отношения среди негров и мулатов отличаются значительной сложностью. Комментируя ситуацию, Г. Эмар писал, что «...здесь есть и негритянки лавочницы, местные матроны, патрицианки рынка, с ключами от дома на крючке у пояса. Эти бразильские торговки соблюдают своего рода важность; они имеют своих рабов, которые раскладывают товар, предлагают его покупателям и ведут с ними переговоры, между тем как хозяйка лавки весело хохочет и переговаривается с товарками, а затем произносит свое решающее слово, когда торг между ее подручным и покупателем уже почти окончен. Этих же рабов хозяйка лавки часто отправляет с ручным ларьком, нагруженным товаром, на углы улицы заманивать изнемогающих от жажды или же просто любопытных покупателей. Но не думайте, что эти черномазые аристократки, лавочницы или торговки, имеют хоть каплю сострадания к своим несчастным сестрам и братьям, к своим одноплеменникам, находящимся в силу сложившихся обстоятельств у них в услужении, – нет, они крайне безжалостны по отношению к ним, не видя ничего в жизни, кроме денег...». Таким образом, между бразильскими неграми и мулатами

---

⁷ См.: Кирчанов М.В. *Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке* / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений ВГУ, 2008. – С. 89 – 98 (глава «Создавая новую идентичность: Машаду дэ Ассиз и ранний бразильский модернизм»).

существовали различные формы социальных и экономических отношений, связей и коммуникации, формы патроната и зависимости, которые нередко были аналогами аналогичных процессов, которые существовали среди белого населения.

Французский писатель констатировал, что расовые отношения в Бразильской Империи отличаются значительной степенью динамизма. В частности, им констатировалось и то, что негры являются не только рабами, но среди них – немало и свободных граждан, которые обладают разными социальными статусами и ролями: «...свободные мулаты представляют собой в Рио особый класс людей, деятельных и умных, из которых постепенно образовывается, так сказать, своего рода третье, или среднее, сословие. Теперь их уже можно встретить и на высших ступенях административной власти, и в судебных палатах, и в ряду сухопутных и морских офицеров, и в мире художественном и ученом, и в области свободных профессий, словом, всюду. Эти люди принимают самое деятельное участие в судьбах своей родины и во всех делах и явлениях своего времени. Дело в том, что в Бразилии для всех широко раскрыты двери: для чернокожих и мулатов, для индейцев и для метисов; как только они свободны, им всюду открыта дорога. Здесь закон не исключает никого, и самый характер нации охотно подчиняется этому справедливому требованию закона. Будущее принадлежит этой смешанной расе, которая с каждым днем становится на ноги все тверже и тверже...». Столь разнообразные социальные и политические отношения, расовое смешение привели к тому, что уже в период пребывания в Бразилии Г. Эмара в Империи была достаточно сильна и развита особая политическая и национальная идентичность.

Шестой, и вероятно, наиболее важный дискурс в заметках Г. Эмара связан с осознанием того факта, что в Бразильской Империи формируется и развивается особая, бразильская, нация.

Густав Эмар полагал, что бразильцев следует отличать от португальцев, с которыми их объединяет язык. Описывая португальцев, Г. Эмар формировал весьма негативный образ, полагая, что они «...ничем не брезгуют и берутся за всякое ремесло, лишь бы только оно было доходным. Все они по большей части пьяницы, обжоры, страшные хвастуны, злые и мстительные люди, не способные ни на какое доброе чувство; при этом они отъявленные воры. Понятно, что есть среди них и исключения, также среди них встречаются и весьма почтенные люди, но, к сожалению, они очень редки...». Бразильцы, в отличие от португальцев, «...в большинстве своем люди умные, развитые и образованные, но они настолько ленивы и небрежны в своих делах, что вся торговля сосредоточивается главным образом в руках португальцев...». Бразилия, как полагал французский писатель, позитивно изменила португальских колонистов, превратив их в бразильцев: «...здесь образовался, благодаря скрещиванию различных рас, настоящий бразильский народ. Это истинные сыны Бразилии, и теперь у бразильцев действительно есть родина!...». Посетив Бразильскую Империю, французский писатель оказался склонным к интерпретации местной действительности в европейских

категориях, распространив и термин «нация» на поданных бразильского императора. Это, вероятно, свидетельствует, что за несколько десятилетий существования Империи европейцы оказались готовы воспринимать Бразильскую Империю как равное им государство, как отдельную нацию.

Текст «Новая Бразилия» демонстрирует те перемены, которые произошли в восприятии Бразильской Империи за несколько десятилетий ее существования во Франции. Бразильские образы во французском интеллектуальном дискурсе не были статичными, изменяясь от восприятия Бразилии как дикой и отсталой периферии в сторону видения в ней развитой страны европейского типа. Подобная трансформация произошла не только в силу естественных причин, связанной с модернизационными процессами и объективными переменами в стране. Республиканская идентичность французов в XIX веке была не столь однозначной и не исключала позитивного воображения в отношении монархий и империй. Кроме этого, вероятно именно благодаря усилиям писателей, принадлежавших к французскому интеллектуальному сообществу, в Европе возник и развивался миф о Бразилии как империи нового типа – либеральном государстве политических прав и свобод.

Образ Бразильской Империи, созданный в «Новой Бразилии» Г. Эмаром, отличался от реальности европейских империй того времени, словно показывая альтернативные пути политического и культурного развития. Проблема, вероятно, лежала в другой сфере. Вскоре после появления книги во Франции Бразильская Империя перестала существовать. Европейские общества, словно, не заметили этого, пребывая в плену иллюзий и стереотипов относительно прочности и устойчивости имперской государственности (росту которых мог поспособствовать и текст Г. Эмара, рисующий идиллическое функционирование Империи в Бразилии), которые были характерны и для политических элит Бразильской Империи.

Падение Бразильской Империи было только началом конца имперского типа государственности, а «Новая Бразилия» Г. Эмара так и останется интересным текстом – совокупностью размышлений гражданина республиканской Франции о достоинствах Бразильской Империи.

Густав Эмар

Новая Бразилия

Источник:

Эмар Г. Новая Бразилия [Электронное издание]. – URL:
http://az.lib.ru/e/emar_g/text_1886_le_bresil_nouveau.shtml.

Печатается в сокращении

ГЛАВА II. По пути в Рио-де-Жанейро

Данте в числе мук своего "Ада" забыл одну ужаснейшую муку -- это мука людей различных стран, собравшихся со всех концов света, людей различного развития, образования и воспитания, с разными интересами и разными характерами, которые вынуждены жить вместе, общей жизнью, не зная друг друга, в мучительной близости и вечной скученности, соседстве за столом и в постели, на палубе и общей зале по вечерам, не имея возможности уйти от них ни на минуту, отдохнуть хоть на полчаса от их присутствия, надоедливое и докучное, -- и это в продолжение целого месяца или по меньшей мере двадцати дней и двадцати ночей. Такова жизнь пассажиров судна где бы то ни было. В течение трех-четырех первых дней это еще сносно. Каждый вносит свое, люди приглядываются друг к другу, изучают один другого, знакомятся, улыбаются друг другу, рисуются один перед другим и взаимно наблюдают друг за другом. Это еще довольно интересно, но затем, мало-помалу, выясняется настоящий характер каждого, пассажиры перестают улыбаться и начинают кисло поглядывать один на другого. По прошествии восьми-деяти дней они уже ненавидят друг друга, готовы вцепиться один другому в горло; сплетни, пересуды и наговоры растут и множатся с поразительной быстротой; скука и раздражение подливают масла в огонь, и жизнь становится адом для всех.

Одни приводят целые дни во сне и дремоте, другие дуются в карты или пьют и едят целый день, некоторые читают или делают вид, будто читают. И это было бы еще сносно, но вот на сцену выступают женщины -- и начинается соревнование и соперничество всякого рода; ребятишки пищат, ссорятся, шныряют между ног. В конечном итоге все избегают даже говорить друг с другом, кроме случаев крайней необходимости, и начинают считать не только дни, но и часы с минутами, отделяющие несчастных пленников моря от часа их освобождения друг от друга и от этой невыносимой жизни.

Господа офицеры и экипаж не страдают от этой невыносимой пытки -- и это весьма логично и естественно: их служебные обязанности не дают им скучать, у них едва находится свободная минутка для отдыха; для них переезд в двадцать дней суший пустяк; они едва успеют заметить его. В мое время, когда я сам был моряком, до применения пара, рейсы были ужасно продолжительны -- самые меньшие длились месяца три, а встречные ветры и продолжительные штили еще больше затягивали плавание. Жизнь становилась до крайности монотонной, кругом не было ничего, кроме моря и неба, неба и моря; мы становились желчны, раздражительны, не выносили друг друга и в конце концов начинили питать друг к другу глухую, затаенную ненависть. Но едва только на горизонте появлялся клочок земли, как все было забыто, мы снова делались веселы, дружны и доброжелательны друг к другу.

Но теперь я, мало-помалу, стал грустен, задумчив, уединялся как можно чаще, словом, насколько я был весел и общителен в первые дни, настолько стал угрюм и нелюдим впоследствии.

Я часто думал, что прошло уже тридцать лет с тех пор, как я в последний раз видел Рио-де-Жанейро, и мне становилось почти страшно увидеть его вновь.

Пока "Ла-Портенья" делает по шести узлов [узел -- единица скорости корабля, равная одной морской миле в час (1,852 км/ч)] по спокойной поверхности океана, мы воспользуемся этим благоприятным моментом и повторим вкратце историю той страны, куда лежит наш путь.

Честь открытия Бразилии принадлежит португальцу Педру Альваришу Кабралу. Двадцать пятого апреля 1500 года португальцы впервые ступили на берег этой страны в Порту-Сегуру. Как это всегда бывало, туземцы приняли вновь прибывших бледнолицых людей с полным радушием и гостеприимством.

Понятно, что адмирал, командовавший португальской эскадрой, воспользовался дружеским расположением гостеприимного и бесхитростного народа, чтобы водрузить тут же, на берегу, крест и столб с португальским гербом, означавшим завоевание этой страны и обрекавшим весь этот народ на унижительное рабство и на безжалостное избиение в близком будущем, в благодарность за их радушный и дружественный прием.

На этом берегу жили два племени: тупинамба и аймара. Что случилось с первым из них, с целым народом, состоявшим из шестнадцати сильных и многочисленных племен, никому не известно.

Тупи, этот многочисленный кочевой народ Бразилии, почти совершенно исчез; лишь изредка в каком-нибудь заброшенном селении можно встретить остатки этих племен.

Что же касается аймара, этих страшных, опасных людоедов, то они уцелели и в продолжение почти целых трех веков вели упорную борьбу с завоевателями, но окончательно разбитые и побежденные, переменили свое название и бродят теперь под именем *ботокудо* [Индийцы Восточной Бразилии, по свидетельствам колонизаторов, вставляли в проткнутую нижнюю губу в виде украшения костяную втулку "толщиной с веретено и длиной с пядь". Отсюда и название, данное туземцам европейцами -- ботокуды (на местном языке слово "ботоке" означает "втулка").] в сьеррах и моренах Бразилии, где непроходимые, недоступные девственные леса гостеприимно раскрыли им свои объятья и укрывают их от ненасытных и беспощадных преследователей. Многие из этих племен бежали даже в самую глубь грозной пустыни Чако.

С ними, быть может, исчезнет навсегда великая, древняя семья бразильских туземцев тамойос, родоначальников всего коренного населения Бразилии, которые в эпоху покорения и завоевания насчитывали до ста шестнадцати племен, могущественных и сильных своей численностью.

Здесь я хочу отметить два характерных факта этих истребительных войн. Первый из них рассказан неким англичанином Ниветом, участвовавшим в качестве солдата-добровольца в одной из экспедиций

португальцев. Нивет передает в следующих словах результаты одной из битв с индейцами:

"....До шестнадцати тысяч дикарей были убиты или захвачены в плен. Этих последних португальцы поделили между собой наравне со всякой другой военной добычей. Затем они овладели еще несколькими селениями; старики и калеки были тут же зарезаны, а здоровые люди превращены в рабов. В продолжение семи дней вся эта местность была разграблена, разорена и предана огню".

А вот и второй факт, еще более яркий.

Племя касте, припертое к горе Акизиба, близ Пернамбуку, совершило злодейское убийство одного епископа, потерпевшего кораблекрушение у этих берегов. Губернатор Баии жестоко наказал это племя, что, в сущности, являлось справедливой репрессивной мерой, но не довольствуясь этим, он приговорил всю эту расу к рабству до последнего колена, наказуя не только отцов, но и детей, и внуков их, и все их потомство.

Справедливость требует сказать, что этот указ был отменен впоследствии, но уже тогда, когда касте более не существовало.

За португальцами и французы, а затем и голландцы захотели отведать лакомого пирога, к которому указал дорогу адмирал Педру Альвариш Кабрал.

Здесь я вкратце перескажу слова Шарля Рибейроля, лучшего путеводителя и летописца.

Адмирал Колиньи вовсе не был моряком, но это был человек большого ума, чрезвычайно образованный, что, пожалуй, даже гораздо лучше. Он сразу понял, что все великие дела его времени свершались не в Европе, а в Новом Свете, и стал подыскивать человека, который понял бы его мысль. И такого человека он нашел.

В числе старых солдат и моряков был некий бывший мальтийский рыцарь по имени Дюран де Вийганьон, состоявший в то время вице-адмиралом в Бретани и сделавшийся ревностным гугенотом. Это был человек очень честолюбивый, с железной волей и крутым нравом, но более развитой, чем большинство офицеров и военных его времени.

Старые воины поняли друг друга. Им нужно было высадиться где-нибудь в Новом Свете, основать колонию и дать таким образом Франции землю и тот же блеск ее могуществу, какой придавали Испании и Португалии их нарождающиеся колонии. Кроме того, такая колония могла бы служить убежищем для людей новой веры, то есть гугенотов, явившись за пределами океана свободным уголком для всех гонимых на родине и ищущих свободы. Такова была цель этого предприятия.

В ту пору царствовал Генрих II. Он предоставил в распоряжение экспедиции два корабля и десять тысяч ливров деньгами.

Вийганьон был хорошо знаком с морем, ему можно было доверить эскадру. Пятнадцатого июля 1556 года он вышел из Гавра.

Плавание продолжалось очень долго. Никаких военных столкновений на пути не было, но зато было несколько сильных бурь и других

подобного рода препятствий, так что французские мореплаватели сошли на берег у входа в Габаро (Рио-де-Жанейро) лишь тринадцатого ноября следующего года. Солдат и матросов в общей сложности было восемьдесят человек на обоих судах: жалкая горстка людей для аймара и португальцев! Несмотря на свой ум и смышленость, Вийганьон сделал несколько весьма крупных ошибок, в том числе две таких, которые и погубили его: первая -- была его крайняя религиозная нетерпимость. Сам он был человек строгой жизни -- суровый аскет, ярый блюститель нравственности. При нем находились в качестве переводчиков для переговоров с индейцами два матроса; один из них состоял в связи с девушкой-туземкой из племени тупи. Адмирал, узнав об этом, сказал ему: "Или женись на ней, или брось". Матрос не женился на девушке, но затеял заговор против адмирала.

Заговор был раскрыт, и Вийганьон троих казнил, а остальных сообщников заковал в кандалы, вследствие чего лишился трети своих людей -- тридцати человек из восьмидесяти.

Между тем на помощь ему спешило подкрепление. Девятнадцатого ноября 1557 года маленькая эскадра, состоявшая из трех судов, под командованием Буа де Конта, племянника Колиньи, вышла из Гонфера и, перенеся немало бурь и попутных схваток с пиратами, прибыла, наконец, десятого марта 1558 года на остров Вийганьона.

Это подкрепление, явившееся так кстати, состояло из трехсот человек солдат, нескольких орудий и целого транспорта библий. Радость была велика, но продолжалась она недолго.

Что послужило причиной розни, осталось неизвестным.

Теодор де Бэр и все другие обвиняли Вийганьона в том, что он изменил адмиралу ради Гизов, Женеве -- ради Екатерины и своей вере -- ради своего честолюбия. Они называли его Каином Америки. А вместе с тем достоверно известно, что и португальцы, и иезуиты считали его своим опасным и непримиримым врагом. Кому же и чему верить?

Если бы Вийганьон сумел выждать и предоставить священникам дело веры, к нему подоспело бы еще новое подкрепление, потому что знатные гугеноты поднимались и выступали со всех концов государства.

Что же касается государственной измены и официального соглашения с Гизами, то в истории мы не находим ни малейшего следа подобных фактов. Несомненно только его вероотступничество по возвращении во Францию. Но что же сделали священники?

Их можно обвинить в излишнем усердии и совершенном неумении действовать как следует.

Несмотря на удачно начатую миссионерскую деятельность, несмотря на любовь, которую священники успели завоевать среди туземного населения, они сели на суда и отплыли на родину.

Между тем Екатерина Австрийская послала два корабля с двумя тысячами солдат и капитаном Бартоломео де Ваконселлосом, и португальский флот, имея на одном из судов губернатора, победоносно вошел в залив Рио двадцать первого февраля 1569 года.

Флот этот, усиленный вновь прибывшим подкреплением, был богат орудиями и всякого рода боеприпасами и снарядами и силен численностью своих людей.

Артиллерия его стреляла в продолжение целых двух суток, но это была напрасная трата пороха: форт не сдавался и упорно отстреливался. Этот маленький островок имел отважных защитников в лице французского гарнизона и восьмисот человек тамойос и тупи, искусных и опытных стрелков из лука, научившихся к тому же владеть и огнестрельным оружием.

Флот отступил под непрерывным огнем неприятеля до острова Пальм, где был немедленно собран военный совет, а с наступлением ночи и под покровом темноты, после поспешного отступления, весьма походившего на бегство, снова было совершено неожиданное нападение на укрепления, защищавшие остров с суши.

Весь гарнизон спал после ночных трудов. Приступ оказался удачным, крепость была взята, и на следующую ночь индейцы и французы покинули форт; одни из них направились в глубь своих девственных лесов, а другие сели на суда и ушли в открытое море.

Так закончилась эта экспедиция, которая могла повлечь за собой крупные завоевания.

В 1629 году республика Батавия имела свое прочное правительство, свои войска, свой флот и самых смелых и отважных командиров на своих судах.

Португалия подпала под власть Испании, которая крепко держала ее в своих руках и обращалась с ней как с вассалом во всех делах и предприятиях.

Из-за этого возникла война между этими двумя государствами -- и этими двумя народами.

На этот раз Португалии приходилось считаться не с Вийганьонами и Ларивардьерами, одинокими заброшенными воинами-авантюристами, но с принцем Оранским и Морисом Нассауским -- истыми героями, и не с кучкой злополучных солдат, а с целым народом. Собственно говоря, истинная причина этой войны была довольно ясно высказана одним антверпенским негоциантом:

"Если мы нападём на Испанию в Америке, то она будет вынуждена направить туда часть своих войск и таким образом ослабить свои силы и могущество в Европе".

Семнадцатый век являлся, так сказать, последним вздохом средневекового времени, когда войны были ужасны, беспощадны и жестоки до крайности. Флибустьеры объявляли, что "по ту сторону тропиков не может быть мира с Испанией".

Голландцы снарядили корсаров, чтобы те крейсировали у берегов Испании, совершая нападения на испанские суда под флагом республики.

Голландские негоцианты и судовладельцы все в один голос говорили:

"Бразилия, в которой Португалии принадлежит только прибрежная полоса на протяжении трехсот миль, так же велика по своему объему, как

вся Европа. И вся эта громадная территория имеет всего только три укрепленных пункта: Пернамбуку, Баия и Рио-де-Жанейро. Вооруженный флот мог в любое время легко войти и овладеть этими тремя пунктами без большого риска -- а там дальше вся страна была совершенно свободна и открыта".

Но что могла дать эта страна?

Сахарный тростник, эссенции, разное дерево и все колониальные тропические товары в таком количестве, что их с избытком хватило бы, чтобы снабжать ими всю Европу от Шельды до Дуная и от Луары до Балтийского моря.

Кому же должны приходиться фрахтовые деньги? Конечно, Голландии!

В январе 1634 года голландцы завладели Итамаркой, Параибой и Риу-Гранди, построив форты по всей береговой линии. Три обширных провинции были уже в их распоряжении. В 1636 году, владея всеми портами Бразилии, голландцы имели для охраны берега на протяжении ста миль десять боевых судов и до четырех тысяч отборного войска. Испании эта война обошлась в двести миллионов. Португальцы отчаянно отстаивали свои права и интересы, ни на минуту не теряя мужества и не падая духом, -- эта война покрыла их славой.

Голландия проиграла в это время с точки зрения нравственной и к тому же была предательски покинута своими в самый критический момент.

В то время Генеральные Штаты уже не были тем гордым, могущественным сенатом, который мерялся силами с мировой Испанией времен Филиппа II-го.

Теперь внутренние раздоры Оранского дома подрывали силы страны. В Англии республика доживала свои последние дни; война могла разгореться ежеминутно между этими двумя сестрами-протестантками, -- и этой-то братоубийственной войны только и выжидал молодой король Людовик XIV. Голландия не посылала уже ничего своей Пернамбукской колонии, все настоятельные просьбы и мольбы о подкреплениях и поддержке оставались без ответа и, несмотря на это постыдное к нему отношение, маленький гарнизон капитулировал лишь по прошествии семи лет совершенно непосильной борьбы, блокированный в своем последнем укреплении.

ГЛАВА III. Прибытие в Рио-де-Жанейро

Вот уже несколько дней как нас преследовали сильные шквалы, возвещавшие близость экватора. В былое время, то есть еще лет двадцать тому назад, прохождение экватора являлось великим празднеством для экипажей всех судов и предлогом ко всякого рода необычайным шуткам и проделкам, зачастую весьма неприятным для пассажиров и матросов-новичков, которым впервые случалось проходить эти места.

Надо сказать, что матросы заранее готовились к этому торжеству, которое являлось для них не только весельем, но и часто приносило большие барыши. Некоторые ученые утверждают, будто этот обычай,

своего рода сатурналии [*сатурналии -- праздник Сатурна у древних римлян. Во время сатурналий как бы снималась разница между рабом и господином, рабы наслаждались свободой, господа пировали вместе с рабами и даже прислуживали им*], ведется со времен Ганнона, карфагенского мореплавателя, который решился обойти вокруг Африки в шестом веке до Рождества Христова и предание о котором сохранилось у древних греков. Другие приписывают эту дикую церемонию финикийцам.

Я не ученый и более склонен верить другой версии, относящей этот обычай к 1892 году христианской эры.

Говорят, что когда Христофор Колумб во время своего первого путешествия с целью открыть новый путь в Индию, после целого ряда опасностей и приключений достиг экватора, то объявил своему экипажу, что они вступили теперь в южное полушарие и что с этого момента успех их предприятия обеспечен.

Тогда экипаж всех трех судов его эскадры предался безумному веселью, и таким образом было положено начало этому празднеству, которое исправно соблюдалось всеми моряками до введения пара.

Эта последняя легенда кажется мне наиболее правдоподобной, но за достоверность ее я не ручаюсь, а говорю, как итальянцы: "*Se non e vero, e ben trovato*" [*"Если это и не верно, то все же хорошо придумано"* (um).].

На пакетботах ограничиваются тем, что выдают матросам двойную порцию спирта и двойной паек за этот день; что же касается парусных судов, то я не знаю, сохранили ли они еще и теперь этот старинный обычай празднества.

Теперь, когда этот праздник экватора перешел уже в область предания среди моряков и вскоре, может быть, совершенно предается забвению, я хочу рассказать, каким образом праздновался он в былые времена как на военных, так и на торговых судах.

В этот день строжайшая дисциплина, всегда неуклонно соблюдавшаяся на судах, ослаблялась на несколько часов, давая экипажу возможность встряхнуться и собраться с силами для перенесения новых лишений и опасностей, ожидающих их впереди.

Корвет "Героиня", на котором я находился, пользуясь благоприятным для него зюйд-вестом, шел хорошо и пересекал экватор под 21-м градусом долготы.

С вечера накануне и новички, и матросы приняли какой-то сосредоточенный вид, весьма таинственный, что немало тревожило тех трех-четырех пассажиров, которые находились с нами на судне. Марсовые вахтенные матросы усиленно перешептывались между собой, оживленно жестикулируя и поминутно подавляя смех.

Под вечер, когда солнце уже скрылось за горизонтом, сверху раздался громкий крик матросика:

-- Э-гей! Судно!

-- Э-ге-гей! -- отозвался вахтенный офицер.

-- Гонец от Отца Экватора!

И вслед за тем целый град сушеных бобов и гороха посыпался на палубу и забарабанил по ней, как град по черепичной крыше.

Затем раздалось несколько звонких ударов бича, и с фок-марса с ловкостью и проворством обезьяны спустился почтальон, который, подойдя к вахтенному офицеру, с поклоном вручил ему письмо в конверте министерского размера.

Офицер тут же вскрыл письмо и, пробежав его глазами, даже не улыбнувшись, ответил:

-- Командир будет иметь честь принять его величество Отца Тропика завтра в полдень!

Почтальон поклонился и, несмотря на свой длинный бич и невероятных размеров шпоры, быстро вскарабкался на мачты, где и остался.

Первый акт этой удивительной комедии был сыгран.

На следующий день, после уборки, марсовые матросы занялись сооружением палатки, изготовленной из старых парусов. Справа были расставлены кресла, предназначавшиеся для свиты и двора его величества Отца Тропика, а слева -- лубочный жертвенник и рядом с ним громаднейшее кресло или, вернее, седалище, сделанное из опрокинутой большой лохани, накрытой каким-то торжественным ковром, как бы предназначенное для чего-то особо важного. Палатку оставили закрытой, вход в нее охранял марсовый матрос.

Утром все шло своим обычным чередом, разве только какой-нибудь шутник, ради шутки, показывал новичкам или судовой прислуге экватор посредством волоска, пропущенного в судовые подзорные трубы.

Но вот склянки пробили четыре двойных удара: наступил полдень.

Офицеры покончили со всеми расчетами, и тут же радостный вздох облегчения вырвался разом из уст всех присутствующих, кроме разве что нескольких новичков да двух-трех пассажиров, трепетавших в душе от ожидания чего-то особенного, под впечатлением фантастических рассказов об этом празднестве, слышанных ими раньше.

Вдруг на носовой части раздалась адская музыка, предшествовавшая какому-то странному шествию: впереди всех выступали два невозможного вида жандарма -- во Франции ничто не обходится без жандармов, без жандарма нет праздника -- с двумя мальчиками-прислужниками по обеим сторонам, далее сам черт с полудюжиной чертенят, разукрашенных рожками, с шумом влекущих за собой цепи; а за ними и сам Тропик верхом на медведе, за ним Америка, Африка и Австралия, в костюмах, отличающихся полнейшим реализмом. Далее следовали два медведя, с важностью выступавшие на задних лапах, и затем торжественная колесница из лафета карронады [*карронада -- крупнокалиберная чугунная пушка с коротким стволом*], а на колеснице сам дед Экватор, его жена и ребенок, которого она кормила грудью. Эта благородная матрона была бы недурна собой, если бы не кожа на ее оголенных руках, походившая на кожу старого носорога.

Царственный старец был защищен от палящих лучей солнца двенадцатью овчинами, а голова его была окутана громадным париком из пеньки; над ним красовалась громадная корона с серебряными зубьями.

Царственная чета стояла в величественных позах.

Командир в полной форме, в мундире и при оружии, стоял на своем месте на мостике, окруженный помощниками и офицерами.

Дед Экватор приказал остановить свою колесницу перед командиром и приветствовал его, сойдя со своего места.

-- Здравствуйте, командир! Давненько вас не было видно в этих местах!

-- Действительно, ваше величество, мы с вами старые приятели!

-- Надеюсь, что мы всегда останемся ими. Но судно ваше мне незнакомо; как оно называется?

-- "Героиня"!

-- Корвет нарядный и красивый, и жаль будет мне сшибить его носовую фигуру! Но ничего не поделаешь: придется! -- И, обратившись к своим дикарям-телохранителям, Экватор прибавил: -- Будьте наготове!

-- Простите, сир, -- возразил капитан, -- законы тропиков мне хорошо знакомы, сообразовалите принять эти десять червонцев как выкуп за носовую фигуру.

Дед Экватор поспешил запрятать в карман полученные десять червонцев, при этом на лице его изобразилась весьма забавная гримаса, долженствовавшая представлять из себя любезную улыбку, а затем продолжал:

-- Ваши офицеры все крещены отцом Экватором?

-- Все, -- отвечал командир, -- за исключением троих -- такого-то, такого-то и такого-то.

-- Прекрасно, -- продолжал его величество, -- мой священник позаботится о них, а теперь позвольте мне удостовериться, послушно ли ваше судно?

Командир вежливо уступил Экватору свое место и вручил ему рупор.

-- Слу-шай! -- раздался ревущий голос Экватора, крикнувшего это слово в трубу.

В ответ на это раздался пронзительный свисток.

-- Убрать паруса! Живо! -- крикнул дед Экватор. Маневр этот был исполнен с дьявольским одушевлением, дружно и проворно.

-- Славное судно, -- похвалил его величество, -- и славный экипаж. -- И, возвращая командиру рупор, он добавил: -- Я вполне доволен; желаю вам счастливого пути. Мне остается только попросить вас позволить окрестить тех матросов и пассажиров, которые еще не были крещены мной.

-- Предоставляю вам на то все права!

Его величество снова взошел на свою колесницу, и в тот же момент подняли виндзейль [виндзейль -- парусиновый рукав со вставленными внутрь деревянными обручами, предназначенный для вентиляции внутри судовых помещений естественным потоком воздуха], из верхнего отверстия которого появился священник.

Он произнес шутовскую проповедь, весьма забавную и остроумную, продолжавшуюся не более четверти часа и заставившую всех присутствующих смеяться до слез, в том числе и всех офицеров, и начальство.

На этот раз священника изображал француз-матрос, природный парижанин, неудавшийся бакалавр. Проповедь его была так остроумна и юмористична, что старший офицер приказал занести ее в морской журнал.

Впоследствии этот матросик дезертировал в Вальпараисо, и несколько лет спустя я встретил его уже в чине полковника на казенной службе в Перу, на вакансии производства в генералы.

Тотчас по окончании проповеди приступили к крещению.

Господа офицеры и пассажиры, конечно, поспешили откупиться деньгами, так что сумма, собранная таким путем дедом Экватором, в этот день достигала почти тысячи франков, которые самым добросовестным образом были пропиты до последней предательской полушки, как выражаются марсовые матросики, в первом же большом порту.

То было доброе старое время, как говорят бывалые моряки, подавляя вздох.

Жандармы, медведи, черти и чертенята принялись ловить и разыскивать тех, кто еще не был крещен, и как те усердно ни прятались, все же никому не посчастливилось уйти. Тогда-то и началась самая забавная часть празднества.

Бедняг усаживали на бак или лохань, накрытую пестрым ковром, и в тот момент, когда они совсем не помышляли о том, крышу бака проворно сворачивали и все они падали в воду, которой был до половины наполнен бак, причем одновременно с этим лили на голову целые ведра воды. Такого рода увеселение продолжалось несколько часов; весь экипаж получил в этот день двойную порцию пищи и спирта; кроме того, поутру командир отменил все наказания, назначенные им провинившимся. Все на судне были счастливы и веселы в этот день.

Вечером долго плясали и танцевали под шарманку и волынку. В десять часов вечера свисток призвал очередных на вахту; празднество кончилось, и все снова вошло в свою обычную колею.

Вот что называлось празднеством Экватора -- и мне от души жаль, что этот своеобразный праздник прекратил свое существование: он немало служил упрочнению тесной связи между командиром и экипажем, столь важной во время дальних продолжительных плаваний... Однако возвращаюсь к своему плаванью.

Однажды утром командир "Ла-Портеньи" объявил мне, что через несколько часов мы будем в виду берега, а на следующий день около двух часов пополудни прибудем в Рио.

Между тем берег постепенно становился рельефнее, рос с каждым часом; море, безбрежное и пустынное до этого момента, оживилось теперь и там и сям различными судами, повсюду появлялись бриги,

трехмачтовые парусные суда, пакетботы с длинным султаном дыма; были и другие суда.

Одни шли в том же направлении, как и мы, другие навстречу, приветствуя нас флагами. Море было спокойно, точно озеро, дул легкий ветерок, и парусные суда, казалось, неподвижно стояли на месте; мы то и дело обходили их.

Земля, туманным пятном появившаяся на краю горизонта, стала постепенно принимать ясные, определенные очертания; начали выделяться бухточки и заливы, группы скал и деревьев; острова выплывали, отделяясь от материка; там и здесь выделялись белые здания фабрик с их высокими трубами и темным флером дыма; яхты и маленькие рыболовные суда проходили так близко, что, казалось, задевали нас; чайки кружились над нами в воздухе и с криком преследовали судно. Так продолжалось в течение нескольких часов.

Земля -- всегда наилучшее средство против всех недугов и мук. Пассажиры "Ла-Портеньи", которые за последнее время стали прямо-таки тиграми и не могли сказать друг другу слова без зубовного скрежета, теперь вдруг разом повеселели при виде земли, смеялись, шутили, стали настоящими агнцами. Не смешно ли, в самом деле?

Что же касается меня, то я в душе смеялся, слушая их взаимные признания в дружбе и расположении. Люди эти были не хуже и не лучше всех тех, которых я встречал во время своих путешествий. Зачем же мне было злобствовать на них за то, что они были эгоисты, глупы и невоспитанны? Это не их вина, а вина той среды, в которой они жили -- или, вернее, влачили свое существование, влачили, как могли и как умели.

Ветер усилился. "Ла-Портенья" легко делала по одиннадцати узлов в час, и вскоре мы очутились юго-восточнее мыса Фрио, то есть "холодного мыса".

Капитан приказал остановить ход, чтобы дожидаться лоцмана, выехавшего навстречу нашему судну. Лоцман этот был француз и состоял на службе у компании "Товарищество Грузовщиков". Он весело взошел на судно, где был встречен дружескими рукопожатиями капитана и всех офицеров, затем поднялся на мостик, -- и мы двинулись вперед.

Капитаны пакетботов почему-то все называют себя командирами, а старшие помощники или капитан-лейтенанты величают себя капитанами -- сам не знаю почему. Быть может, потому что их плавание несравненно легче и требует гораздо меньших знаний, чем плавание на парусных судах. Тщеславие и ничего более!

Около двух часов пополудни мы вошли в залив; командир не ошибся ни на минуту в своих расчетах.

Представьте себе громадное соленое озеро, разлившееся в длину и ширину на протяжении не менее ста миль; озеро, оживленное множеством разнообразных зеленых тенистых и душистых островов и островков, обрамленное рядом живописных холмов, поросших лесом и вздымающихся амфитеатром, довольно красиво. Вдоль берегов его,

купаясь в тихих, прозрачных водах, раскинулись прелестнейшие деревушки. А там -- Сан-Доминго и Ботафаго, излюбленные дачные места негоциантов, которые, покончив в городе со своими делами, под вечер приезжают сюда отдохнуть от забот и хлопот и подышать свежим морским воздухом, прогуливаясь по отлогому берегу.

Не сотни, а тысячи различных судов оживляют этот живописный залив; повсюду чувствуется непрерывное движение. Сразу можно узнать крупную столицу, город с кипучей деятельной жизнью и рабочим, трудовым населением.

Вдали, в глубине пейзажа, на расстоянии каких-нибудь двадцати миль, возвышаются горы Орг, достигая в высоту приблизительно двух тысяч метров над уровнем моря.

Вправо на возвышении величественно выделяется собор Нотр-Дам-де-Буеньо-Секоро (Пресвятой Богородицы -- Скорой Помощницы), обращенный фасадом к фортам Вийганьон и св. Осодора; а там, в стороне, остров Коз и, наконец, сам город Рио, построенный на левом берегу залива между тремя укрепленными высотами, господствующими над городом. А еще выше виднелся акведук, производивший впечатление древнеримского сооружения.

На каждом пригорке и возвышенности этой гористой местности поднимался монастырь, или церковь, или красивая

затейливая дача, а всего чаще грозная батарея, черные жерла пушек которой резко выделялись на светлом фоне зеленых лугов и рощ.

И здесь мы вновь читаем славные страницы истории нашего флота.

При взгляде на этот грозный ряд прекрасных украшений, этот длинный строй орудий, наведенных на рейд, исторически знаменитая победа Дугуай-Труэ в 1711 году, то есть за несколько лет до смерти Людовика XIV, кажется баснословной, неправдоподобной.

Несмотря на португальскую эскадру, столь же многочисленную, как и его, и несмотря на всю артиллерию укреплений, этот неустрашимый моряк сумел проникнуть в залив и встать на рейд, бомбардировать город и, овладев им, возвратить его не иначе, как за крупный выкуп.

И для этого удивительного подвига ему потребовалось лишь несколько судов и до трех тысяч человек солдат!

Теперь, конечно, с нашими броненосцами и дальнобойными орудиями не трудно было бы заставить замолчать все батареи укреплений в несколько часов, даже не входя в залив.

Эти прекраснейшие укрепления отжили свой век. Позиции прекрасные, план расположения батарей превосходный, но сами орудия могут теперь служить лишь украшением, а на случай серьезной опасности пришлось бы заменить их другими, дальнобойными, могущими держать на почтительном расстоянии суда с современным вооружением.

Один гениальный скульптор -- француз Депрэ, о котором мне придется упоминать еще не раз -- высказал грандиозную мысль: изваять из скалы Пау-де-Азукар (Сахарной Головы) фигуру гиганта с лицом, обращенным к морю, с короной -- крепостной стеной на голове, а в ограде этой

короны-стены, согласно его плану, предполагалась неприступная крепость, между зубьями же короны должны были быть проделаны бойницы, в которые высовывали бы свои жерла страшные дальнобойные орудия.

Я видел эту модель в его мастерской.

Это нечто величественное, бесподобное, не имеющее ничего себе равного по красоте замысла.

Что можно было придумать более прекрасного и грандиозного для входа в такую большую столицу, как Рио-де-Жанейро?

Господин Депрэ составил подробную смету на это сооружение и уверил меня, что эта колоссальная работа могла бы обойтись сравнительно недорого.

Я от души желаю для славы и красоты Бразилии, чтобы эта блестящая, гениальная мысль Депрэ не была предана забвению и осуществилась как можно скорее.

"Ла-Портенья" встала на рейд, где должна была пробыть всего несколько суток и затем идти дальше в Монтевидео.

Едва успели бросить якорь, как судно было уже окружено целой тучей лодок, лодочек и маленьких пароходиков, поддерживающих сообщение между прибывающими судами, берегом и различными пунктами островков и побережья залива. Залив этот, который я видел тридцать лет тому назад таким пустым, безжизненным, угрюмым, поражал теперь своим оживлением и лихорадочной деятельностью, кипевшей повсюду.

К нам подошел маленький пароход, на котором находился человек семь чиновников в мундирах, расшитых золотом по всем швам. На корме парохода развевался бразильский флаг. Чиновники вошли на судно и были встречены самим командиром и офицерами судна с большим почетом.

То были таможенные чиновники и санитары.

Таможня -- это золотое дно Бразилии, а потому и организация ее безупречна.

Командир провел своих гостей в кают-компанию, предложил им вина, но делал все это со сдержанной любезностью светского человека.

Все пассажиры были заняты сборами своих вещей, все торопились съезжать на берег; я один оставался в общей зале, где просматривал бразильские газеты, привезенные нам одним из агентов компании "Товарищество Грузовщиков".

Я весьма мало интересовался тем, что говорилось этими господами, но все они прекрасно говорили по-французски и держали себя сухо и холодно.

Просматривая и пробегая глазами газеты, я случайно встретил в одном из столбцов "*Gazetta de Noticias*", одной из наиболее распространенных в Рио, извещение о моем прибытии, и -- что еще более удивило меня -- там сообщалось о том, будто я привез подарок императору. Это было действительно верно, но я, сколько мне помнится, никому не говорил об этом ни слова, желая сделать сюрприз его величеству.

Я положительно был поражен этим обстоятельством. Кто мог сообщить эти сведения " *Gazetta de Noticias* "? Когда я в первый раз был в Рио, печать была еще в зачатке, теперь же она получила громадное распространение и имела своих репортеров.

Командир продолжал разговаривать с чиновниками, и я услышал свое имя, с намерением произнесенное довольно громко, чтобы мне было слышно; вслед за этим командир подошел ко мне вместе со своими гостями и сказал:

-- Господа, честь имею представить вам господина Гюстава Эмара!

Последовал целый ряд любезностей и приветствий, так что я положительно не знал, что мне на них отвечать.

Я заметил, что эти бразильские таможенные чиновники относились немного бесцеремонно к командиру и в разговоре не соблюдали особой вежливости; кроме того, мне бросилось в глаза, что эти господа во все время своего разговора с командиром не снимали шляп с головы, но когда им представили меня, то они тотчас же сняли шляпы и сделались вежливы до крайности.

Командир, казалось, ничего этого не замечал, а если и заметил, то сделал вид, что не обратил на это внимания; более того, он стал еще любезнее и предупредительнее по отношению к своим гостям, приказав даже подать шампанского.

Очевидно, он принял на себя известную роль и старался быть с ними любезен, соблюдая интересы компании, потому что санитары и таможенные чиновники -- это такого рода власти, которые при желании могут причинить большие неприятности и затруднения.

Эти господа выразили пожелание увезти меня с собой на берег, но я вежливо отказался.

Тогда они простились с командиром и со мной и покинули судно. Мы расстались самыми лучшими друзьями.

Когда таможенники наконец отчалили, командир вздохнул полной грудью.

Я сошел на берег в половине пятого вечера, вместе с капитаном, который желал представить меня господину Лейбе, директору отделения компании "Товарищество Грузовщиков" в Рио.

Дружески простившись с офицерами "Ла-Портеньи", я наконец расстался с судном.

ГЛАВА IV. Рио-де-Жанейро

Честно говоря, я сохранил весьма дурное воспоминание об улицах Рио-де-Жанейро. Улицы эти были узки, грязны, темны, плохо мощены, молчаливы и безлюдны, с плотно опущенными занавесями и жалюзи окон, за которыми слышался иногда визгливый женский смех; лавки и магазины, грязные и темные, отличались каким-то особым зловонием. Навстречу попадались лишь грязные негры и негритянки да два-три европейца, случайно заблудившихся в безлюдной пустыне этих улиц.

Странные экипажи, походившие на *корбильеры* -- старинные восьмиместные кареты, в которых перевозился штат слуг французских королей, -- с вечно опущенными шторами, медленно колыхавшиеся по невозможной мостовой, заранее пугали меня.

В то время бразильские дамы были совершенными невидимками, они никогда никуда не показывались, а пешком даже среди дня ни одна женщина, уважающая себя, не решилась бы выйти на улицу; только дамы *mediro -- pelo* -- метиски -- осмеливались на это, да и то очень редко.

С первых же шагов, как только я вступил на берег, вид города поразил меня. Все окна были широко раскрыты, толпы мужчин и дам, одетых по последней парижской моде, весело и свободно разгуливали по улицам.

Я положительно не узнавал Рио-де-Жанейро! Роскошные магазины, кафе и рестораны встречались на каждом шагу; комфортабельные отели, чудные богатые дома; оживленная толпа веселых и деловитых лиц, какую можно встретить только на улицах Лондона и Парижа, роскошные и элегантные экипажи, всадники на щегольских конях -- все это шло, ехало, стремилось куда-то. Женщины и мужчины, дамы и кавалеры, мастеровые и монахи толпились на тротуарах, и сверх всего этого трамваи, запряженные то парой, то четверкой рослых мулов, во всю прыть мчались по улицам взад и вперед.

Трамваи эти, приобретенные у Соединенных Штатов, прекрасно устроены: за двадцать рейсов -- около двадцати сантимов -- можно объехать весь город из конца в конец.

Все это так удивляло меня, было так неожиданно, что я положительно не мог прийти в себя от удивления и радости при виде всех этих перемен. Мне говорили, что этой переменой в нравах и обычаях Бразилия обязана трамваям: в один прекрасный день дамы, которым уже наскучило сидеть по домам, между тем как их супруги, братья и отцы катались в трамваях, произвели переворот, овладев этими громоздкими экипажами, которые взяли приступом под носом у мужчин.

Это, должно быть, правда, потому что такого рода прием весьма согласен с духом женского характера; при этом я добавлю, что этот переворот послужил ко благу нравов и цивилизации.

В такой столице, как Рио-де-Жанейро, женщины никак не должны были оставаться вне прогресса, мало того, они должны идти впереди и подавать пример.

Улицы старого Рио узки и отвратительно мощены, но трамваи мчатся по ним во весь опор, и возницы так ловки и привычны, что несчастные случаи очень редки.

С пристани мы направились прямо к господину Лейбе, который принял меня очень радушно и сердечно. Это один из богатейших негоциантов, особенно уважаемый всеми за свою правдивость, сердечную доброту и справедливость. Человек этот несколько раз оказывал мне услуги, за которые я останусь ему всегда благодарен; он постоянно относился ко мне как добрый друг и старый приятель, и я сохранил о нем самые лучшие воспоминания.

Было уже слишком поздно, когда я расстался с ним, чтобы приниматься за какие бы то ни было дела, и потому я решил отложить их до завтра. Меня проводили в гостиницу "Францию" -- одну из самых дорогих и роскошных в Рио; за два дня я истратил там три фунта стерлингов, а потому постарался пробыть там как можно меньше, хотя не мог нахвалиться всеми удобствами и прекрасным уходом прислуги. Я чувствовал себя там совершенно так, как если бы был в Париже, но мне не этого хотелось: я рассчитывал пробыть в Рио не менее двух месяцев, и потому мне нужно было что-то иное, чем гостиница, как бы прекрасна и удобна она ни была.

На следующее же утро я отправился гулять по городу. Господин Жено, о котором я говорил раньше, дал мне рекомендательное письмо к одному своему приятелю, некоему господину Сойе, богатому коммерсанту, а господин Лейбе сообщил мне накануне его адрес. Он жил на площади Конституции, так что разыскать его было не трудно.

Господин Сойе был ювелир и часовщик и являлся здесь представителем парижской фирмы Лакреза. Я забрел к нему в магазин в десять часов утра.

В тот момент, когда я входил, немного тучный господин лет около сорока, с веселым, улыбающимся лицом, смеющимися добродушными глазами, довольно большим ртом, слегка румяный, бодрый и здоровый, с физиономией, симпатичнее которой я не встречал, сидел у конторки и писал что-то. Увидев меня, он весело воскликнул, протягивая мне руку:

-- А, вот и вы!

-- Как так? -- воскликнул я, недоумевая и недоверчиво пожимая протянутую мне руку.

-- Ведь я вчера весь день только о вас и думал!

-- Обо мне? Весьма вам благодарен, но позвольте вас спросить, с кем вы изволите говорить?

-- Да с кем же, как не с вами?!

-- Но я в первый раз имею удовольствие видеть вас!

-- Ну да, но мы все здесь знаем вас; и хотя я действительно вижу вас в первый раз, но тем не менее уверен, что вы именно то лицо, которое я ожидаю.

-- Как? Неужели вы ожидали меня?

-- Конечно, и доказательством может служить то, что я именно ради вас отсрочил свой завтрак, а теперь мы можем сейчас же сесть за стол. Будьте спокойны, мы позавтракаем с вами по-французски!

-- Вы очень любезны, и я весьма ценю ваш милый, сердечный прием, но уверены ли вы в том, что не ошибаетесь?

Он весело расхохотался, и его примеру тотчас же последовали хором три других господина, находившиеся тут же, в магазине.

Это были служащие или, вернее, компаньоны господина Сойе -- один француз и два бразильца, как я узнал впоследствии.

-- О-о, здесь вас все знают, вы -- Гюстав Эмар, романист и бытописатель; ваши книги ходят здесь по рукам и на французском, и на португальском языке. Вас очень любят в Бразилии -- вы сами вскоре в

этом убедитесь... Теперь вы видите, что я не ошибаюсь? Мало того, я вам скажу, что вы имеете при себе письмо моего закадычного приятеля и друга господина Жено, адресованное на мое имя, -- не так ли?

-- Да, все это совершенно верно, -- подтвердил я. -- А вот и то письмо, о котором вы только что упомянули, -- добавил я, подавая ему письмо.

-- Прекрасно! Мы успеем его прочесть и после! -- воскликнул Сойе, кинув его в ящик стола.

-- Надеюсь, теперь вы довольны? -- добавил он, обращаясь ко мне.

-- Да, но не совсем, я желал бы знать, кто мог сообщить вам все подробности того, что было сказано между господином Жено и мною, и как это могло случиться, что вы ожидали меня?

-- Вчера, часов около трех пополудни, ко мне зашел мой хороший приятель, доктор Лежандр...

-- А-а... ну, теперь я понимаю!

-- Видите, как все просто!

-- Действительно... но вы изволили сказать, что думали и беспокоились обо мне вчера.

-- Да, я подыскивал вам квартиру!

-- И вы нашли что-нибудь подходящее?

-- Конечно, но мы поговорим об этом после завтрака, теперь же я положительно умираю от голода, а вы?

-- И я тоже!

-- Ну, так скорее за стол!

Господин Сойе ввел нас в маленькую комнатку, смежную с магазином, где уже был накрыт стол, сервированный на пять персон.

Все мы сели за стол. Красавец раб, почти белый, прислуживал какому-то бразильцу, у которого господин Сойе нанимал его за известную месячную плату. Раб этот прекрасно говорил по-французски и, видимо, отлично исполнял свои обязанности.

Завтрак был незатейливый, но сытный и вкусный, прекрасно приготовленный и приправленный чистосердечным добродушным весельем, за которым не чувствовалось никакой задней мысли.

Разговор вертелся главным образом вокруг Франции и, преимущественно, Парижа -- от меня хотели слышать последние новости, и я охотно делился всем, что знал сам. Мы пили за республику, за Гриви [*Жюль, Гриви -- президент Франции в 1879-- 1887 гг.*], за французскую нацию.

В Рио-де-Жанейро тоже есть французская колония, не особенно многочисленная, но все же насчитывающая до двадцати пяти тысяч человек. Не все, конечно, богаты, но все работают, трудятся, все без исключения народ честный, уважающий друг друга и держащий высоко честь французского имени. Здесь их все любят и уважают, и это более всего делает им честь.

В Америке очень трудно встретить вторую такую колонию, как эта.

После кофе все поднялись из-за стола, и господин Сойе, надев пальто, обратился ко мне:

-- Пойдемте; надо покончить с этим делом сейчас же!

Я придерживался того же мнения и с готовностью последовал за ним.

Мы вышли на улицу как раз в то время, когда мимо нас мчался трамвай. Господин Сойе остановил его, и мы сели.

-- А далеко нам ехать? -- осведомился я.

-- Хм! Как вам сказать? Это на Руа-де-Риочуэло, 86; пешком туда от меня три четверти часа ходу, но в трамвае мы будем там через десять минут, не позже.

Руа-де-Риочуэло, то есть *улица Ручейка*, широкая и красивая, прилично вымощенная и с тротуарами -- одна из красивейших улиц в Рио. На нее выходит красивый фасад большого госпиталя, а упирается она в акведук, снабжающий город водой, но, надо сказать, в недостаточном количестве, так что и в ту пору, когда я впервые был в Рио, жители города положительно умирали от жажды. Но правительство позаботилось снабдить город таким водопроводом, благодаря которому Рио не чувствует более недостатка в воде, даже во время жесточайшей засухи. Это превосходнейшее сооружение; вода проведена сюда за сорок миль, и теперь водопровод этот окончен и действует прекрасно.

Лет тридцать тому назад все население города не превосходило цифры в сто пятьдесят тысяч душ, но с тех пор, благодаря всевозможным революциям, эмиграциям и удобству сообщения, население возросло с невероятной быстротой и теперь уже достигает шестисот тысяч душ, причем, как все заставляет предполагать, рост его на этом не остановится.

В Рио эмигрируют очень многие вследствие радушного приема, какой здесь встречают все иностранцы, а также и благодаря гуманному и разумному правительству, не стесняющему никого ни в чем. И, сверх всего этого, здесь они не рискуют пострадать от какого-нибудь *пронунсиаменто* [*Пронунсиаменто -- переворот с целью захвата власти*] или войны династий, как в других странах Америки.

Трамвай остановился, и мы сошли; это было всего в каких-нибудь десяти шагах от дома номер 86 по улице Ручейка. Владелец этого дома господин Лиден был пивовар. Отец его первый из колонистов Алжира переселился оттуда в Рио-де-Жанейро, где и стал варить пиво; правительство оказало ему поддержку, и дело его пошло успешно, сверх всякого ожидания. Эта первая пивоварня получила название Национальной, а император пожаловал господину Лидену орден Бразильской Розы за введение новой промышленности в Бразильской империи. Господин Лиден-сын родился в Алжире, но был еще ребенком, когда отец его переселился в Бразилию; после смерти родителя он так же успешно продолжал начатое им дело, придерживаясь всех тех правил и заветов честности и добросовестности, каких придерживался и его покойный отец.

Несмотря на появившуюся конкуренцию, пивоваренный завод Лидена процветал, дело его разрасталось с каждым годом. Хотя в настоящее время существует более двадцати пивоваренных заводов, тем не менее

Национальное пиво считается наилучшим и предпочитается всем остальным любителями этого напитка.

Господин Лиден человек семейный; у него прелестная, кроткая, любящая жена, трое очаровательных деток и, кроме того, сестра, вдова, поселившаяся в доме брата с того момента, как потеряла свое состояние. Это чисто патриархальная семья, пользующаяся прекрасной репутацией во всех слоях общества, начиная с высшего и кончая низшим.

Отрадно заметить, что мы во всех государствах Америки имеем такие семьи, которые делают честь французской нации. Это должно служить нам утешением в том, что в чужих краях часто встречаются и такие французы -- или люди, именующие себя французами, -- которых их соотечественники отвергают и презирают не без основания.

Господин Лиден богат и легко мог бы оставить свое дело и жить на покое, но он любит его и не хочет даже и думать о том, чтобы оно перешло в чужие руки.

Я был принят господином Лиденом и его супругой чрезвычайно любезно. Мы очень скоро сговорились и порешили, что назавтра я перееду к ним. Я был очень доволен тем, что поселюсь в этой милой, приятной семье; я весьма скоро стал другом дома, и до последней минуты и сам Лиден, и жена его, да и вся семья как нельзя лучше ухаживали за мной.

Вечером я обедал вместе с господином Сойе и доктором Лежандром, которых я пригласил в гостиницу "Франция". На следующее утро "Ла-Портенья" ушла с восходом солнца в Монтевидео, а я, рассчитавшись в гостинице, перебрался к господину Лидену.

Господин Сойе, мой любезный проводник, отвел меня во французское посольство, где я должен был по приезде явиться местному представителю Франции, как это всегда водится.

В большинстве случаев Франция имеет весьма дурных представителей за границей -- это весьма печально, но тем не менее это так: все эти консулы, посланники и резиденты весьма плохо понимают значение своей миссии. Я имел случай видеть очень многих из них во время моих путешествий и знал только трех, серьезно и добросовестно относившихся к своим обязанностям. Это были консулы в Монтевидео и Буэнос-Айресе и вице-консул в Мендосе.

На этот раз визит мой не был продолжительным и носил чисто формальный характер.

Выйдя из консульства, господин Сойе предложил мне побывать в различных редакциях. Меня повсюду принимали с распростертыми объятиями.

Я был положительно удивлен, встретив здесь столь серьезную и основательно подготовленную прессу.

Признаюсь, я этого совсем не ожидал.

Газеты и журналы здесь в большинстве случаев все прекрасно организованы и поражают глубиной мысли и меткостью взгляда на вещи.

Здесь царит безусловная свобода печати благодаря императору, который не допустил в этом деле никаких ограничений.

Сатира полновластно клеймит и бичует все вызывающее насмешку или заслуживающее порицания, не щадя ни духовенства, ни монашества, ни каких бы то ни было высших учреждений, и император первый от души смеется.

В Рио имеется также и французский журнал "Бразильский курьер", который ведется старого закала журналистом, горячим патриотом, избравшим своим призванием всегда и во всем отстаивать французские интересы. Журнал этот редактирует господин Делор, француз и парижанин до мозга костей и при этом мастер своего дела. Всякий малейший пустяк, даже случайно вышедший из-под его пера, имеет некую своеобразную особенность, в которой сразу чувствуется талантливое перо.

Смиренно признаюсь, что я никак не ожидал встретить в трех тысячах миль расстояния от моего родного и возлюбленного Парижа столь талантливого и всесторонне научно образованного журналиста, который и в Париже занял бы видное место.

Господин Делор с честью несет звание французского журналиста и является поистине достойным и блестящим представителем французской прессы в Бразилии. Я полюбил его с первого момента встречи; да и могло ли быть иначе? Милей, любезнее и симпатичнее человека встретить трудно!

Я был чрезвычайно тронут сердечным и милым приемом, какой встретил во всех без исключения редакциях Рио; нельзя быть более внимательным, предупредительным и любезным, чем были все журналисты по отношению ко мне.

Почти все бразильские журналы и газеты единогласно жалуются на некоего господина, имя которого я даже не хочу называть, но который, будучи так же любезно и радушно принят и обласкан бразильской прессой, не нашел ничего лучшего, как написать целый ряд писем и памфлетов на тех людей, которыми он был обласкан, и на те учреждения, с которыми он даже не был знаком, а следовательно, которые не мог и критиковать.

ГЛАВА V. Независимость

Посетить и осмотреть Рио-де-Жанейро весьма интересно, и я намерен сделать это весьма подробно, но прежде, чем приняться за это, мне кажется необходимым познакомить читателя с тем, каким путем Бразилия завоевала свою независимость и заняла столь почетное место в ряду свободных, истинно просвещенных и цивилизованных государств.

И на этот раз я намерен придерживаться данных, собранных нашим собратом Рибейролем, изучившим и знавшим историю этой страны не хуже, чем любой урожденный бразилец. Его превосходный труд "Живописная Бразилия" -- вещь замечательная, выдающаяся во всех

отношениях; к сожалению, смерть неожиданно настигла его, не дав времени закончить начатое дело, но тем не менее все, что им написано, написано превосходно и всегда будет служить драгоценным вкладом в область литературы и истории.

Бонапарт, став благодаря перевороту 18 брюмера Наполеоном Первым, императором Франции, желал унижить, ослабить и обессилить Англию, эту душу и кассу всех коалиций. Не считая возможным атаковать ее в самой метрополии, он потребовал, чтобы все государи, бывшие его вассалами, блокировали ее, рассчитывая таким образом уничтожить своего неумолимого врага.

И что же из этого вышло? Англия только обогатилась контрабандой. Большинство государей изменяли лиге. Португальский царствующий дом предпочел покинуть родину и бежать, чем бороться против такого могущественного врага. Да и что мог он сделать против армий Наполеона? Во сто крат лучше было сохранить старый титул и колонии, чем получить вассальную корону из рук Жюно [*Наполеоновский генерал Андош Жюно командовал французскими войсками, введенными в Португалию в 1807 г.*].

И вот из Португалии опять двинулись суда через безбрежный океан, но на этот раз уже не гордый флот Албукерки [*Альфонсу Албукерки (1453--1515) -- знаменитый португальский мореплаватель, вице-король Индии (1509--1515).*] или Кабрала, победоносно шедший на подвиги и славу, а последний поезд португальского царствующего дома, покидавший родину с тем, чтобы искать убежища в своих колониях, печально удалялся из Европы под конвоем британских судов.

Этот грустный исход одного из древнейших царствующих домов Старого Света, принужденного искать себе убежища в этой полудикой еще Америке, был чем-то особенно торжественно-печальным.

Принц-регент Португалии и его придворный штат со всеми приближенными его двора сошли на берег в Баии.

Древняя столица Бразилии по-царски приняла царственного добровольного изгнанника и хотела удержать его в своих стенах. Но что бы сказал на это Рио? Ведь это значило на первых же порах посеять вражду и раздор в Бразилии. Потому принц-регент отправился в Рио. Здесь его ожидали великолепные торжества, празднества и церемонии; и город, и рейд были сказочно разубраны для встречи регента.

Но к чему эти празднества и торжества?

Это старая привилегия королевской власти, явившейся отдохнуть в свои загородные поместья.

Да, но ведь это было правительство, -- Бразилия должна была сделаться могущественной державой, а Рио блестящей столицей этого государства.

О, сколько великих дел было бы сделано на свете, не будь ни камергеров, ни двора!

Эти последние вошли в город, -- Сан-Себастьяно, как еще называют Рио-де-Жанейро, -- как всемогущие властители, именем короля; пошли сборы да поборы, контрибуции да налоги и верховная власть надо всем,

над должностями и учреждениями, над землями и домами -- словом, над всем. Они живо истощили не только доброе расположение, но и весь запас долготерпения, каким обладали бразильцы, которые тогда уже прекрасно понимали, что для них добиться независимости нужно прежде всего. Принц-регент открыл все порты Бразилии всем дружественным державам, хотя и сохранил еще за собой право взимания пошлины в размере двадцати четырех процентов от стоимости товара. Но этим он разом разрушил древнекитайскую стену, служившую преградой к общению с другими государствами. Бразилия открыла свои двери Европе и вошла в сношения с другими народами.

Имея у себя королевскую власть в самой древнефеодальной форме, Бразилия незаметно забирала в свои руки власть через декрет о праве свободной торговли, вступив в общение с человечеством в самом широком смысле этого слова.

Если бы принц-регент, став королем Жоаном VI [*В 1799--1816 гг. Жоан был принцем-регентом, но фактически являлся монархом, так как его мать, королева Мария I, была душевнобольной. С 1816 г. -- король Португалии Жоан VI.*], сумел понять дух и направление своего нового королевства, принявшего его так сердечно, и пожелал бы следовать народной политике, он мог бы основать одну из величайших держав своего века, но он был чересчур пропитан гордостью прежней метрополии и слишком много дорожил старыми традициями и привилегиями, словом, он был не бразилец, а чересчур португалец. В его совете, в администрации, в посольствах, словом, всюду, где только была власть и влияние, он ставил исключительно только дворянство, грандов, родовитых лиссабонцев.

А эти нахалы, алчные и надменные, были так же бессовестны и беззастенчивы, как кобленцкие обиралы в бытность свою в Париже.

Они накладывали руку на всякое дело и запускали лапы во всякую мощну. Они держали себя, как стая воронов, алчных и голодных, смотревших на Бразилию, как на завоеванную страну, которую безжалостно и бесстыдно эксплуатировали.

Негодование было всеобщее, ропот недовольства и ненависти раздавался повсюду, и вскоре вспыхнуло восстание в Пернамбуку. Это восстание, как и всегда бывает с такого рода единичными восстаниями, было подавлено; судебные палаты судили и приговаривали без устали, тюрьмы и места заключения стали тесны. Были и казни, были и ссылки, и изгнания. Напрасные кары -- и бесполезно пролитая кровь! Веяние шло из Европы, там тоже были революции в Неаполе, в Испании и даже в Португалии, которая тоже восстала; конституционная Португалия призвала обратно своего короля. Кортесы вновь мечтали о великих экспедициях, о богатых колониях и о былом величии Португалии.

Бразилия со своей стороны требовала двух вещей: независимости и конституции.

Но раз король уедет, правительство исчезнет, а власть переселится в Лиссабон, то что станет с независимостью Бразилии? Она вновь

превратится, в силу новых декретов кортесов [*Кортесы* -- название парламента в Португалии до 1910 г.] и короля, в провинцию или колонию Португалии, и тогда где ее конституция?

Оставалось выбрать между упадком и революцией!

Бразилия колебалась не долго: пошумев и поволновавшись вдоволь, она отпустила с миром короля Жоана VI и его двор. Ради проформы она послала своих депутатов к кортесам и выжидала лишь решительного момента, собираясь с силами и готовясь к делу.

Ответ, полученный из Лиссабона, где снова водворился двор, был резким и многозначительным.

Бразилию разделяли на провинции, с отдельным губернаторством в каждой, причем и губернаторы, и вся окружная администрация подчинялись ведению и судебной власти метрополии.

Мало того, даже принца-регента отзывали.

Какое же значение придавал король Жоан VI своему слову и своим обещаниям? В своем указе от седьмого марта 1821 года не говорил ли он и не подписывал ли собственноручно, что он "соглашается по своей доброй воле и полному искреннему убеждению и желанию со всеми требованиями и постановлениями португальской конституции, которую он предполагает применить ко всем трем своим государствам?" Не упоминает ли он в этом самом декрете, или указе, о том, что "двадцать четвертого февраля того же года он, совместно со своей королевской семьей, дал торжественную клятву в том, что будет всегда соблюдать и поддерживать вышеупомянутую конституцию во всех своих владениях"? И это при всем народе и войске Рио. Жоан VI был король старого закала и пошиба -- как видно, не все они еще вымерли, -- он считал свои прерогативы безусловными и стоящими выше всякого рода обязательств. У него и дух, и совесть были строго "феодалные", а потому он не столь ответствен за свои деяния, как другие, которые, понимая значение справедливости и законности, тем не менее, смотря по обстоятельствам, то дают обещание, то берут его обратно по своему произволу.

Но народ не так понимает данное слово и святость клятвы. И вот, видя утрату своих прав в заявлениях кортесов, Бразилия восстала.

Во всех провинциях, в Мараньяне, Пара, Пернамбуку, Баии -- словом, повсюду были временные жунты; эти революционные администрации в начале движения боролись против Жоана VI за конституцию и находились в ту пору в самом тесном единстве с португальскими войсками, требовавшими также присяги конституции. И этому-то дружному требованию португальских войск и бразильского народа сопротивлялась медлительная королевская власть! Но на этот раз вопрос был несравненно более важный, то был почти что вопрос жизни и смерти, -- вопрос о независимости!

Европейские португальцы -- солдаты, чиновники, администрация, колонисты -- все встали на сторону кортесов, короля Жоана VI и метрополии. Они имели повсюду, во всех городах и провинциях, сильных сторонников, каковыми являлись генералы, гарнизоны, богатые

землевладельцы и коммерческие фирмы. Все эти люди в течение целых трех столетий, наследуя от отца к сыну и земли, и должности, и промышленность, дорожили правительством, даровавшим им все эти блага, и не желали расставаться с землей, на которой выросли и разбогатели.

Бразильцы же были раздроблены, разрознены, города и провинции соперничали между собой. Революционные комитеты, или жунты, были разрознены, плохо организованы, не обладали ни единством мысли, ни единством действий, страдая от отсутствия предводителя. Были, конечно, и горячие, благородные порывы, было немало геройства и священных подвигов, но были и личные счеты, и вражда, и взаимная зависть друг к другу трибунов и деятелей, и самообожание ораторов, и похвальба военной удачей, словом, все недуги молодого народа, нарождающейся нации и пробуждающегося народного сознания, от которых всегда страдали все революционные перевороты. Но, несмотря на отсутствие единства и всякого рода беспорядки и неурядицы, все же Бразилия в конце концов изгнала бы чужеземцев, до такой степени декрет кортесов возмутил всех и взволновал все провинции. Когда поднимается целый народ во имя одной общей и ясной цели, то все войска и военные силы -- ничто, и рано или поздно и гарнизоны, и крепостные стены падут сами собой перед мощной силой народной воли.

Впрочем, на этот раз в драме участвовало еще третье лицо, человек деятельный, энергичный, обладавший острым умом, готовый на борьбу и не желавший сойти со сцены.

Это был дон Педру Браганзский, сын Жоана VI и наследник трех королевств. Теперь он стал исторической личностью, и с ним не мешает ознакомиться поближе.

Дон Педру Браганзский прибыл вместе со своим отцом в Бразилию в пору французского нашествия. Ему, смелому и ловкому молодому человеку, не по душе была кабинетная работа, и он искал развлечения в охоте и смотрах, почти не принимая участия в политике и правительственных делах. Такую жизнь дон Педру вел с 1808 по 1820 год.

Это была натура живая, сангвиническая, из числа тех богатых энергией горячих натур, которые, когда их пыл умерен разумным воспитанием и образованием, а инстинкты направлены в хорошую сторону, страстно увлекаются всем прекрасным, совершают подвиги добра и становятся героями; если же они предоставлены самим себе или плохо направлены и необузданны, то предаются безумным излишествам и почти всегда губят себя.

Теперь посмотрим, какого рода вещи прежде всего преподавались юному принцу, дону Педру?

Все мелочные подробности и правила придворного этикета, все феодальные предрассудки, культ привилегий рода и происхождения и абсолютные прерогативы власти были внушаемы ему.

Но, к счастью для него, дон Педру имел прекраснейшего учителя -- время! На его глазах происходили революции и катастрофы без конца;

перед ним проходили войны; нарождались и развивались различные идеи. Он понял, что средние века отошли в вечность, канули в лету навсегда и что приходится следовать новому течению. Из этого произошло то, что в характере его и во взглядах получилась какая-то раздвоенность: с одной стороны, человек прошлого века, играющий в декреты, олицетворяющий собой сильного, нарушающий советы и собрания, словом, попирающий чужую личность и чужие права, а с другой стороны -- человек своего времени, своего века, постоянно возвращающийся к новым влияниям: независимости, конституции и человеческому праву. Португальская революция с ее программой, основанной на сардинской конституции 1812 года, сильно взволновала Бразилию. Провинция Мараньян пристала к ней, Баия назначила временную жунту, а в Рио народная манифестация приняла размеры почти революции.

Что же делал в это время наследник престола? Он смело смешался с толпой, сделав это официально, явно обратился к ней с речью, как трибун, ратовал перед отцом за конституцию и, наконец, сам первый присягнул ей.

Это ли не прекрасное вступление для революции? И дон Педру Браганзский стоял на добром пути, но вот что вышло дальше.

Король Жоан VI в декрете от седьмого марта 1821 года, возвещая о своем удалении из Бразилии, облакает высшей властью и титулом наместника, своего наследника престола при временном правительстве.

Каково же должно было быть это временное правительство? Какую роль должен был играть новый наместник? Опасавшиеся за свою свободу избиратели решили, что испанская конституция 1812 года должна быть временным законом в Бразилии. Это, конечно, было своего рода обеспечением: принц-наместник подчинялся таким образом конституции и жунте. Но чтобы не быть в подчинении, а управлять самовластно, он приказал вооруженным путем овладеть залой собрания жунты; двое из избирателей были убиты наповал, многие были ранены, многие брошены в тюрьму, а двадцать второго апреля вышел новый декрет Жоана VI, в котором окончательно организовывалось наместничество и временное правительство в Бразилии.

Милостивый король облакал сына всеми привилегиями своей власти и придавал ему в качестве ответственных советников его товарищей и ближайших друзей, а затем, насытившись декретами, речами, жунтами и требованиями

конституции, Жоан VI покинул Бразилию, сказав на прощание сыну в последнюю минуту расставания: "Я предвижу, что Бразилия вскоре отойдет от Португалии, а в таком случае, если ты не сумеешь сохранить для меня эту корону, то сохрани ее для себя, чтобы Бразилия не попала в руки каких-нибудь авантюристов!"

И дон Педру последовал этому совету. Все провинции находились в брожении; все они восстали. Баия наотрез отказалась признать новое правительство. Пара, Мараньян и Пернамбуку принимали деятельное участие в жунтах: прогоняли губернаторов, не платили государственных

сборов, и если бы в ту пору было единство, согласие и мир между вожаками народного движения, то революция на этот раз безусловно свергла бы и диктатуру, и новое правительство!

Но принц сумел прислушаться к народному голосу и различить известную нотку в гомоне толпы; видя, что Рио, его столица, открыто вступает в борьбу, он добровольно принял временное собрание, санкционировал все права, присвоенные им себе от имени, народа, раскрыл двери всех тюрем, переполненных по его же приказу в день апрельского государственного переворота, словом, любезничал и заискивал перед жунтой.

Принц-регент затаил свои честолюбивые замыслы и прятал свои кости. Вдруг раздался сильный голос, великое слово из скромной провинции Сан-Паулу. Несмотря на кое-какие оговорки и весьма политичное ограничение, это был голос, несомненно призывавший к всеобщей революции, призывавший громко и решительно.

И принц, и народ поняли этот энергичный призыв Жозе Бонифасиу де Андрада-и-Силва, автора той сильной вдохновенной брошюры, взволновавшей все умы Бразилии. Скромный автор был призван в совет регента, и с того момента дон Педру, не задумываясь, шел по пути к престолу, служа всеми средствами делу независимости.

Не без опасности для себя он старался удалить все португальские войска, занимавшие столицу и побережье, не допускал входить в залив судам, присылаемым из Лиссабона; с малыми средствами, среди всякого рода смут и неурядиц, он сумел организовать защиту и всякий раз, когда где-нибудь в дальнем уголке страны собирались на горизонте тучки и начинало проглядывать некоторое недоверие к нему, тотчас же лично шел туда, шел открыто, рассеивал все сомнения и подозрения, успокаивал все умы и привлекал к себе все сердца. Так поступил он и по отношению к провинции Минас-Жерайс, на обратном пути откуда кинул своей родине этот смелый вызов, эти великие слова: "Независимость или смерть". Его энергия и деятельность были поистине неутомимы, а горячность, с какой он все время относился к святому делу независимости Бразилии, не ослабевала ни на минуту. Он дал Бразилии оружие и знамя -- знак независимости.

Этим принц-регент купил себе престол. После того он издавал декрет за декретом и против Лиссабона, и его кортесов, и против его войск и губернаторов, и против его флота, а у себя очистил двор и министерства от ненавистных бразильцам португальских пришельцев. Кроме того, по внушению Жозе Бонифасиу де Андрады он объявил амнистию в честь независимой Бразилии, в тексте которой читалось между строк, что все, получившие амнистию, могут переселиться куда им будет угодно. Наконец, он завершил свое дело тем, что обратился с воззванием к народу, созывая его для всеобщих выборов. "Я ставлю за честь для себя управлять лишь народом свободным и великодушным", -- писал он.

Бразильские кортесы были учреждены, и принц-регент получил престол. Жозе Бонифасиу де Андрада-и-Силва был сделан министром

внутренних дел, а португальская партия, если она еще и существовала кое-где в северных провинциях, доживала свои последние дни. Несомненно, что Бразилия была теперь свободна от португальского владычества и являлась самостоятельной державой.

Принц-регент принял титул "Постоянного Защитника Бразильской Независимости и Свободы" и сохранил его за собой, взойдя на трон.

Дона Педру I упрекают во многом, и весьма возможно, что он делал ошибки, но справедливость требует сказать, что все они были следствием его воспитания, тогда как все его несомненные качества и достоинства были присущи ему лично.

В то время, когда правительства всех государств стремились к абсолютизму, император дон Педру I написал хартию, в которой между прочим говорилось следующее:

Господствующей государственной религией является вероисповедание римско-католическое, но все другие вероисповедания терпимы в империи, и допускается всякий культ со всеми его обрядами.

И еще:

Представителями бразильского народа являются император и народное собрание, но все полномочия и верховная власть в Бразильской империи предоставлены народу.

Человек, написавший это, был несомненно человеком великого ума, примерным гражданином и мудрым политиком.

В своем отречении дон Педру I также выказал много достоинства и спокойствия. Он не снизошел до оскорбления. Нарождавшемуся государству он поручил своего сына, дав ему в опекуны и воспитатели одного из своих бывших друзей -- того самого Жозе Бонифасиу де Андраду, которого он некогда казнил опалой.

Основательно обсудив политическое положение этой империи, -- писал он, -- и убедившись, до какой степени необходимо мое отречение, и не столько дорожа славой своего имени, сколько счастьем и благополучием моей новой родины, я считаю за лучшее, в силу права, предоставляемого мне конституцией, назначить действительным попечителем и опекуном моих возлюбленных детей уважаемого, великого патриота, гражданина Жозе Бонифасиу де Андраду, моего истинного друга.

Дон Педру I

Письмо это, полное благородства и достоинства, свидетельствует о несомненном величии души этого человека.

Прежде чем покинуть рейд Рио, дон Педру I написал еще последнее письмо к своим друзьям и своему народу:

Не имея возможности проститься с каждым из моих друзей в отдельности и благодарить их за добрые услуги, а также испросить у них прощения за все обиды, быть может нанесенные им мной неумышленно, смею в том уверить, я обращаюсь с этим письмом ко всему моему народу с тем, чтобы закончить свои счета.

Удаляясь в Европу, я с душевным прискорбием и сожалением покидаю свою родину, своих детей и своих истинных друзей. Разлука с существами, столь близкими и дорогими, должна быть тяжела и болезненно чувствительна даже для самого жестокого сердца, но разлучиться с ними, чтобы исполнить долг чести -- это высшая слава, о какой можно мечтать!

Прощай родина! Прощайте друзья! Прощайте навек!

На английском корабле " Warspifers ", 12 апреля 1831 г.

Дон Педру де Алькантара де Браганза-и-Бурбон

Письмо это превосходно! Это сердечный вопль чувствительной души; каждое слово глубоко прочувствовано и трогательно своей искренностью и простотой.

Все то, в чем упрекают дона Педру I, все искупается одним этим фактом, что он даровал своей стране свободу и независимость.

Бразильцы поняли это, и теперь конная статуя дона Педру I воздвигнута на лучшей площади в Рио, на площади Конституции.

И все до единого бразильцы признают, что ему воздали этим лишь должную справедливость -- честь, принадлежащую ему по праву.

ГЛАВА VI. Бразильское правительство

Америке наблюдаются известные явления, которых, по-видимому, никто не замечает, но которые, вероятно, в недалеком будущем будут иметь громадное влияние на судьбы Нового Света. Когда северные и южные колонии завоевали свою независимость, то из числа всех этих освободившихся колоний только две явно пошли по пути прогресса и после целого ряда страшных потрясений, которые были неизбежны, силой своего неутомимого мужества и настойчивости добились полной автономии и затем стали богаты и уважаемы и образовали величайшие государства в Америке.

Эти колонии, о которых я говорю, в Северной Америке -- Соединенные Штаты, а в Южной -- Бразилия. Первая из них -- республика, вторая -- монархия.

Правда, Соединенные Штаты ушли далеко вперед против Бразилии, но ведь они и старше ее на целых полвека.

Пуритане и всякого рода паломники, искавшие убежища в Новом Свете, и по духу своему, и по принципам, и даже по религии своей были республиканцами, сами того не подозревая.

Потому-то, как только они изгнали своих старых владык, то вполне естественно образовали республику, поскольку издавна были к этому подготовлены.

Кроме того, англосаксонская раса как-то инстинктивно склонна к этой форме правления.

В Бразилии все было иначе: здесь собирались не сектанты, искавшие приюта и убежища от гонений и преследований, а весь португальский королевский дом.

Прибытие португальской королевской семьи в Бразилию стало великим событием для страны и зарей-предвестницей обретения независимости для ее народа.

Это освобождение и отделение Бразилии было неизбежно. Узнав поближе этот чисто феодальный двор, колонисты научились презирать его, а королевская семья, со своей стороны, не сумела понять духа своего народа и чувствовала себя здесь не по себе, а потому, как только ей представился случай вернуться в Европу, она не замедлила воспользоваться им, зная прекрасно, что Бразилия для нее потеряна.

Дон Педру II был пятилетним мальчиком в то время, когда его отец покинул Бразилию и вернулся в Европу. Ребенок родился в Бразилии, поэтому народ принял его и провозгласил своим государем.

Все кризисы, смуты и беспорядки тотчас же прекратились.

Словно чудом эта страна, испытывавшая столько волнений и переворотов в продолжение последних десяти лет, вдруг разом успокоилась. Нет таких политических бурь, которые не улеглись бы перед улыбкой белокурого херувима; в его беспомощности заключается вся его сила.

К тому же юный император был усыновлен народом, -- кто мог протестовать против него? Что еще более способствовало успокоению умов, так это то, что теперь государственный совет был бразильский и вся администрация -- бразильская.

Пусть кое-где в провинциях еще волновались, но это было не более как простая рябь на поверхности гладкого озера! Вся главная масса народа оставалась спокойна под властью императора-младенца.

Всякая мысль, родившаяся в народе, держится в нем упорно и не так-то скоро забывается.

После десяти лет опеки и несовершеннолетия дон Педру II вступил на престол и стал ответственным лицом перед своим народом. Простой и непривычный к пышности и праздности, он предпочитал науку и занятия празднествам и увеселениям.

На первой же ступени к трону он увидел перед собой конституцию.

Конституция эта точно определяла все права и все обязанности каждого -- и государя, и народа. Она провозглашала независимость Бразилии, верховную власть народа и независимость граждан.

Это был своего рода контракт, или письменное условие, между государем и государством.

Дон Педру II присягнул этой конституции сорок лет тому назад. Это по нашим временам весьма долгий срок для хартии.

В Европе такого рода вещи не долговечны: во Франции, например, случились бы, конечно, беспорядки, которые рано или поздно должны были бы кончиться революцией.

Но в Бразилии, слава Богу, дела эти обстоят иначе. Там общие законы всегда живы и уважаемы и всякий покоряется им до мелочей. Никаких ложных толкований закона, никаких изысканий, чтобы выявить его слабые стороны и недостатки.

Человек, принесший присягу этой конституции, никогда ни на мгновение не забывал этой присяги, честно исполнял данное им слово, ставя свой долг выше всего остального и во всем сохраняя и постоянно соблюдая данную им клятву.

Он был молод и был главой государства; он мог бы по примеру своих соседей увлечься воинскими подвигами и лаврами победителя, желанием снискать славу своему имени, но он не сделал этого.

Юный император всегда имел без труда большинство голосов, имел мудрых и энергичных советников, преданных слуг. И никогда он не увлекался этим большинством на что-либо, ведущее к удовлетворению его честолюбивых замыслов или целей, никогда не скомпрометировал никого в интересах своей прерогативы и своей династии.

Ему предлагали построить новый дворец, потому что его жилище в Рио было весьма ветхо и весьма мало напоминало собой Версаль, но он отказался от этого, сказав:

-- Если понадобится, вы подумаете об этом после, но прежде следует позаботиться о дорогах, банках и колониях!

Государи Европы иначе понимают наслаждения верховной власти: им необходим блеск обстановки, роскошь конюшен и многочисленной свиты.

Но в Бразилии никто об этом не знает, многие считают Бразилию полудикой страной, из которой мы получаем кофе и ничего более. Таково наше отношение к стране, в которой любая провинция чуть ли не больше целой Франции и которая имеет население в двенадцать миллионов душ, год от года увеличивающееся с поразительной быстротой.

Тщательный блюститель конституции, дон Педру II требовал исполнения всех законов конституции -- карательных и оградительных, всех приговоров и постановлений суда с неумолимой твердостью и хладнокровием. Потому-то следует обвинять в некоторых, быть может, излишних строгостях не императора, а только конституцию.

С 1831 года по 1840 год, во время несовершеннолетия дон Педру II, было немало возмущений и восстаний в северных провинциях, где население вечно стремилось к республике. Все эти народные движения были подавлены, но никогда не искоренены вконец, хотя не раз главнейшие зачинщики и даже соучастники бывали жестоко наказаны и дело доходило до казней и эшафотов. Но император был еще несовершеннолетним, и потому вся ответственность падала на регентство.

После коронации и окончательного вступления в управление делами государства молодого императора были также серьезные смуты и

беспорядки в провинциях Минас-Жерайс и Сан-Паулу. В некоторых местах дошло даже до вооруженного восстания. Инсургенты были усмирены, восстание подавлено, и начали следствие, но на этот раз палачам не нашлось работы.

Декретом от четырнадцатого марта 1844 года была объявлена амнистия, и все тюрьмы раскрылись, а в следующем за сим году окончилась навсегда маленькая внутренняя война, длившаяся ровно десять лет.

Великие события, потрясавшие Францию в 1848 году, отразились и на Бразилии, и здесь много кричали и волновались, но на этот раз дело не дошло до оружия. Только в Пернамбуку произошло сражение, длившееся всего тринадцать часов, и затем все пришло в порядок. Это последнее волнение дорого обошлось старому бунтовщику -- этому древнему городу, уже столько пострадавшему от своего неугомонного нрава, но теперь давно уже не осталось в тюрьмах ни одного из побежденных.

Вот явление, которое, вероятно, покажется диким нашим европейским политикам, судящим о государях и государствах по Римскому праву: в Бразилии вот уже много лет нет ни политических преступлений, ни государственных преступников, ни предостережений, ни заговоров, ни доносов.

Там мысль и суждение каждого свободны, и всякий вправе высказать их; император дон Педру II основывал свое величие не на прерогативах своей особы, а на характере и деяниях.

Так как дух народа Бразилии есть дух терпимости, примирения и общительности, то даже и самый католицизм, хотя и считается господствующей государственной религией, не смеет громить своими проклятиями и анафемой.

Вот каково положение дел в Бразилии и как его следует изображать, чтобы мы, европейцы, могли себе составить верное понятие об этой стране.

Однако есть умники, государственные люди, глубокие политики, которые говорят: "У нас нет никакой инициативы, нет последовательности в делах, нет организации, словом, нет движения... много речей и мало действий... нам нужно сильное, энергичное правительство, сильный, энергичный человек".

А конституция? А присяга? Уж не бросить ли весь этот хлам прямо в яму?

Так, значит, требуется сильная рука, сильное правительство?!

Это гораздо легче встретить, чем государя, человека добросовестного и не себялюбивого.

Стоит только вспомнить последнюю империю во Франции или нынешнюю Германию. Там нет общественного духа, общественного настроения, нет контроля, нет свободной личной инициативы: нация-машина действует, вертит жернова, пашет, сеет, производит и продает -- и из этой громадной мастерской выходят чудеса. Но ведь это какое-то карательное заведение, нечто вроде рабочего дома.

Что касается меня лично, то я предпочитаю конституцию энергичному правительству и честного добросовестного человека -- человеку сильному.

Бразилия имела земли, рудники, прииски и прекраснейшие порты, ей не хватало только заботы и независимости, без чего все мертво и бессильно. И вот она получила независимость, и с этого дня Бразилия как будто возродилась. Она счастлива и богата; ей не остается ничего более желать. Правда, нет громкой славы и громких подвигов, но зато есть счастье. Кто-то сказал: "Счастливы те народы, у которых нет истории". Но Бразилия имеет свою славную историю, она создала ее всю сама силой своего мужества, устойчивости и правильного суждения. Теперь она вступила в новую эру своей истории. Это история прогресса, труда, мирной борьбы и соревнования, борьбы, в которой нет ни побежденных, ни победителей.

ГЛАВА VII. Город

Сделав беглый и краткий, но точный обзор истории этой страны, я продолжу свой рассказ о моих странствиях по городу.

Я поселился, как уже говорил ранее, у господина Лидена. Комната, которую я занимал у него в доме, была большая, прекрасно вентилированная, светлая и хорошо обставленная, но бразильские постели -- это нечто ужасное для иностранцев, привыкших к более или менее удобным постелям. Это какие-то лепешки, толщиной пальца в четыре, не более, и до того жесткие, что трудно даже предположить, из чего эти матрацы могут быть сделаны. О больших подушках здесь не имеют даже понятия, а маленькие головные подушки ни на что не похожи. Простыни походят на носовые платки, кроме того, полагается бумажное одеяло и *мустикер*, то есть род полога. Приходится ложиться без огня, герметически закупорив окна, если не желаешь быть съеденным всякого рода насекомыми, мошками и т. п. Эти мошки, почти незаметные для глаза, кусают чрезвычайно больно.

Почти час спустя, после того как я лег в постель и все ворочался с боку на бок, стараясь заснуть, я вдруг почувствовал, что какое-то животное бежит по мне; я широко раскрыл глаза и увидел отвратительную ящерицу телесного цвета, производившую такое впечатление, как будто с нее содрали кожу. Выскочив из кровати, я укутался своим плащом и провел весь остаток ночи в кресле-качалке, где проводил затем все ночи во время моего пребывания в Рио.

Утром господин Лиден осведомился о том, как я спал, и я рассказал ему неприятную историю с ящерицей. Мой любезный хозяин весело расхохотался.

-- Ба! -- сказал он. -- Дня через два-три вы об этом совершенно забудете. Все постели в Рио таковы, а что касается этой ящерицы, то хотя она действительно не очень привлекательна, но зато будет вам очень полезна.

-- Каким образом?

-- Прежде всего я должен вам сказать, что она совершенно безобидна; предоставьте ей бегать, где ей вздумается, -- и она избавит вас от всяких мошек и насекомых, наполняющих здесь все дома.

Я принял его слова к сведению и предоставил этому милому животному охотиться вволю. Вскоре мы стали с ним большими друзьями.

В одиннадцать часов, обычный час завтрака, я спустился в столовую, где господин Лиден со своей семьей кушал за длинным столом вместе с десятком своих рабочих-португальцев. Для меня же был накрыт особый столик. Но я вовсе не желал этого и тут же объявил господину Лидену полуукоризненно-полушутя, что поселился у него вовсе не для того, чтобы жить одному, как какой-то мизантроп, а чтобы жить с ним и его семьей, и что вовсе не считаю себя таким аристократом, для которого унижительно сесть за один стол с ним и его рабочими.

К кофе прибыл и господин Сойе, обещавший отправиться вместе со мной на таможню. Так как у меня было с дюжину ящиков, тюков и чемоданов, то господин Лиден любезно предложил мне свою тележку.

Таможня в Рио -- поистине великолепное и грандиозное здание; там масса служащих; повсюду замечается лихорадочная деятельность и строгий порядок в администрации. Я ожидал больших задержек и множества затруднений, но господин Сойе прекрасно знал все таможенные порядки, все ходы и выходы этого громадного здания и провел меня к директору таможни. Когда ему доложили обо мне, он тотчас же приказал проводить меня к нему в кабинет. Я увидел перед собой утонченно-любезного господина, прекрасно говорившего по-французски. Поговорив с ним с полчаса, мы расстались очень дружелюбно, после чего один из чиновников проводил меня туда, где находился мой багаж. Меня заранее предупреждали о том, что здесь осмотр очень строгий и что чиновники исполняют свои обязанности очень добросовестно. Это меня не беспокоило, ничего запрещенного у меня не было, но мне было неприятно думать, что станут ворошить мое платье и белье. Однако меня ожидал приятный сюрприз: когда я подал чиновнику ключи от своих ящиков и чемоданов, он любезно отказался принять их, сказав, что ему известно, что я не имею при себе контрабанды; очевидно, относительно моего багажа были сделаны распоряжения.

Господин Лиден был крайне удивлен, что мы так скоро вернулись. Я рассказал ему, как счастливо я отделался от всех этих формальностей.

Когда весь мой багаж был внесен в мою комнату и вещи расставлены по местам, мы с господином Сойе снова отправились в город по делам.

Со времени восшествия на престол дона Педру II было пристроено несколько новых кварталов, город разросся более чем наполовину и украсился множеством прекрасных памятников, зданий, множеством бульваров и садов, которые содержатся в образцовом порядке.

Те, кто построил город, непростительно ошиблись в выборе места для основания города, который должен был со временем иметь такое большое значение. Город -- имеется в виду весь старый город -- лежит на болоте.

Из этого проистекает много важных неудобств: во-первых, дома не могут иметь погребов, а затем, когда над городом собирается гроза и разражается ураган, какой постоянно бывает в Рио, то есть свирепствующий с бешенством над злополучным городом, то болота, образующие местную почву, окутываются туманом, отягощенным электричеством. Благодаря этому здесь во время грозы положительно нечем дышать, и воздух, вместо того чтобы освежиться, становится после грозы лишь более тяжелым и душливым.

Говорят, что эти грозы, в связи с вредными испарениями болот на узких улицах, являются одной из главных причин желтой лихорадки, ежегодно свирепствующей в Рио, в сезон дождей, перемежающихся с сильным зноем, действуя особенно пагубно на приезжих, преимущественно на европейцев.

В центре города, представляющем самое сердце Рио, улицы скрещиваются под прямым углом; они узки и почти все плохо мощены, а узкие полосы тротуаров являются в несравненно большей мере достоянием мулов, чем пешеходов.

Конечно, это относится только к старому городу; что же касается новых кварталов, то там все улицы широкие, прекрасно мощенные, с настоящими тротуарами. Эти прямые широкие улицы нового города свободно разрастаются с каж-

дым годом, отвоевывая все новые обширные участки у болотистой равнины Глория. Воды, омывающие с двух сторон город, имеют прекрасные берега, усаженные виноградниками с большими садами, в которых прячутся маленькие коттеджи. Сюда стремятся по воскресным дням на отдых иностранные коммерсанты, проживающие в Рио.

На прибрежных горах красуются привлекательные, нарядные дачи, куда съезжаются полюбоваться роскошными видами, отдохнуть в тени и подышать ароматным морским ветерком.

К сожалению, этот живописный участок страдает отсутствием фабрик и заводов, с их высокими трубами и вечно деятельной жизнью, но изобилует роскошными дворцами и виллами.

В наше время промышленность является насущным хлебом, питающим нации, доставляющим им и силы, и значение, и капиталы. Горе тем городам, которые презирают промышленность -- это презрение убивает и обессиливает их больше, чем любая из эпидемий!

Сравните, например, Лиссабон и Лондон, Неаполь и Париж.

Лиссабон и Неаполь прекрасны так же, как и Константинополь, но они прекрасны лишь издали, когда вы смотрите на них с палубы корабля. Но едва вы успеете ступить на берег, как видите, что все эти роскошные дворцы -- почти руины, что город -- печален и уныл, что жизни в нем как будто вовсе нет, повсюду нищие и монахи, стекающиеся со всех сторон. Чувствуется, что эти с виду столь прекрасные города отживают свой век, что все их великолепие -- одна лишь пустая декорация, мираж, исчезающий при первом приближении.

А почему? Потому что здесь нет ни фабрик, ни заводов -- ничего такого, что дает жизнь и деятельность народу, что делает город цветущим, а его население -- бодрым и богатым.

На это возражают: Рио может и отдохнуть, он живет торговлей; его роль быть складочным местом для всех южных и западных провинций, местом сбыта всех их производств, главным торговым рынком для ввоза и вывоза самых разнообразных товаров. На его рейде стоят суда всех государств, уплачивающие большой налог его таможне, а его положение как столицы и правительственного центра государства обеспечивает громадные доходы и барыши.

Да, все это правда, но тем не менее положение и роль Рио иная, нежели роль Парижа или Лондона.

Я того мнения, что Рио, вместо того чтобы почивать на лаврах своего великопия, будучи столицей, должен создать себе какую-либо специальность труда или производства и украсить фабриками и заводами, хотя бы водочными, на которых занимались бы производством различных водок, ликеров, рома и тому подобных напитков. В Порто-Реаль, в нескольких милях от Рио, есть такой завод, основанный французской компанией и дающий работу нескольким сотням рабочего люда.

Пусть правительство поддержит эту промышленность, и оно убедится, что это увеличит его доходы. То же можно сказать и о всех остальных отраслях промышленности.

Затем, возьмем, например, богатства девственных лесов Бразилии, изобилующих драгоценными деревьями и каучуком, на который спрос в Европе возрастает с каждым годом. И все это и масса других производств пропадают в Бразилии совершенно задаром вследствие недостатка предприимчивости, а главным образом, вследствие отсутствия путей сообщения, которых там, можно сказать, вовсе нет.

Железнодорожное дело находится там еще на самой низкой ступени развития, хотя все-таки влияние железных дорог довольно заметно. Так, например, провинция Сан-Паулу, которую пересекают во всех направлениях различные железнодорожные ветви, в настоящее время самая богатая и цветущая из всех провинций.

Впрочем, эта провинция всегда была передовой и наиболее развитой в промышленном отношении в Бразилии. Когда все эти железные дороги дойдут до Рио, все разом изменится.

Эксплуатировать громадные девственные леса, покрывающие большую часть площади Бразилии, провести повсюду пути сообщения, шоссейные и железные дороги, сделать возможным подвоз отовсюду -- вот те задачи, над которыми всего более и всего усерднее должно работать бразильское правительство, если оно желает идти большими шагами по пути прогресса.

С тех пор как Рибейроль написал свою прекраснейшую книгу на французском и португальском языках и издал ее в 1859 году, Бразилия сделала громадные шаги вперед, и множество недостатков, на которые он

указывал, исправлены с тех пор. Бразилия смело идет по пути улучшений и прогресса, несмотря на насмешки и ропот некоторых рутинеров.

В настоящее время нет больше этих китайских стен, которые могли совершенно изолировать одну нацию от всех других; теперь Европа и Америка находятся в самом тесном общении; расстояние уже не имеет никакого значения, теперь в какие-нибудь двадцать дней -- а то и меньше -- можно добраться из Франции в Бразилию, и благодаря телеграфу, прошедшему через океан, за несколько минут здесь может быть получена телеграмма и отправлен ответ.

Теперь в Америку едут, как некогда ездили из Парижа в Марсель; современная наука все изменяет. Американцы, бывшие раньше такими упорными домоседами, стали теперь самыми усердными путешественниками-туристами. В течение нескольких месяцев они ухитряются побывать везде в Европе, многое видят, многому учатся и возвращаются к себе с целым запасом разных полезных сведений. Таким-то путем пролагает себе дорогу прогресс.

Рибейроль особенно сожалел о недостатке воды в Рио, и я лично был свидетелем этого недостатка: я видел, как несчастные негры и негритянки по целым часам простаивали длинной вереницей со своими кувшинами и ведрами, чтобы получить хоть немного воды, и затем уходили ни с чем. Но, как уже говорилось выше, теперь и этот недостаток устранен, и Рио больше не грозит опасность погибнуть от недостатка воды.

Лет тридцать тому назад не существовало в Рио и трамваев. Жаль, что бедный Рибейроль не дожил до их введения. Кроме того, он жестоко критиковал состояние улиц -- и был вполне прав, но с тех пор правительство озабочилось поручить эту отрасль одному французу. Теперь улицы содержатся прекрасно и уже с четырех часов утра прибраны и выметены так чисто, что не уступают лучшим улицам европейских столиц.

Рибейроль еще жаловался на недостаток тени в городе, и действительно, в его время Кампо де-Сент-Анн -- поле Святой Анны, -- перерезавшее Рио пополам, представляло собой омерзительный пустырь. Теперь же, благодаря стараниям одного гениального садовника-француза, Кампо де-Сент-Анн превратился в прекрасный девственный лес, со скалами и густыми чащами и зарослями, столь искусно расположенными, что на каждом шагу ожидаешь встретить выглядывающего из засады индейца. Этот великолепный городской сад в самом центре города, обнесенный кругом высокой чугунной решеткой, не имеет соперников в целом мире.

Кроме того, на прибрежных горах устроены другие превосходные места для прогулок -- парки и бульвары, -- а самый город изобилует в настоящее время прекрасными общественными садами и скверами. Особенно замечателен общественный сад Пассейо, прекрасно распланированный, изобилующий роскошными группами тенистых, развесистых деревьев, дающих много тени и прохлады. Здесь, кроме того, красуются два стрельчатых обелиска и прекраснейшая скульптурная группа, изображающая больших кайманов. Но главной привлекательностью этого

сада, несомненно, может считаться терраса над морем, с которой открывается чудный вид прежде всего на прелестную уединенную Глорию, раскинувшуюся вправо и заслоняющую своей высокой горой очаровательный Ботафаго, утопающий в листве леса. Этот лес окутал всю гору и спускается к самому заливу, пестреющему судами всех стран всех видов и типов. Одно время сад этот был в большой моде, и сюда стекалось по вечерам все избранное общество Рио, а хор и военный оркестр оживляли его еще больше, придавая ему новую прелесть в глазах публики.

Этот питомник действительно превосходен. Защищенный со всех сторон высокими горами, он получает через узкую щель между двумя горами живительную струю морского воздуха, постоянно умеряющего чрезвычайный зной этой местности.

Пятьдесят лет тому назад здесь был пыльный песчаный пустырь с маленькими прудочками, изобиловавшими рыбой, а теперь это прекрасный ботанический сад и питомник, которым Рио вправе гордиться. И этой метаморфозой город обязан королю Жоану VI. Особую прелесть придает этому саду двойная колоннада, какой не мог похвастать ни один двор, ни один древний храм; это -- предлинная аллея пальм, посаженных в два ряда с каждой стороны, на равном расстоянии друг от друга. Этой аллеей можно положительно залюбоваться: в ней есть что-то чарующее глаз, что-то такое, что невольно влечет к себе.

В Париже, на Елисейских Полях, долгое время стояла прекрасная конная статуя императора дона Педру I. Эта статуя, художественное произведение искусства, стоит теперь на роскошном бронзовом цоколе, украшенном историческими барельефами из времен войны за независимость, на площади Конституции в Рио, среди прекраснейшего сквера, большого и тенистого, со множеством скамеек, на которых сидят и отдыхают по вечерам жители Рио.

Рибейроль, так любивший Бразилию, горько сожалел о том, что Рио не украшают хорошие статуи; особенно ему хотелось видеть здесь статую императора дона Педру I и негра Диаса, одного из самых выдающихся героев Бразилии эпохи войны с Голландией.

"Неужели, -- говорил он, -- статуя этого человека будет неуместна подле статуи дона Педру I, этого незабвенного героя независимости Бразилии? Конечно, -- добавлял он, -- не император остался бы недоволен этим. Он, сам герой, любил героев и отважных людей!" -- Но Рибейроль забывал, что в ту пору Бразилия была страной рабства; все рабовладельцы и все торговцы неграми вызвали бы по этому случаю если не бунт, то уж, во всяком случае, серьезные беспорядки.

Даже теперь, когда освобождение негров от рабства было вотировано Палатой и, надо сказать, на весьма тяжелых условиях, никто не решился бы предложить такой вещи. Но, тем не менее, я уверен, что рано или поздно его желание осуществится -- и статуя Диаса будет красоваться на одной из площадей Рио.

ГЛАВА VIII. По улицам Рио

Рибейроль, по-видимому, очень одобряет Рио за то, что он не расширяется, не обновляется и не прихорашивается на современный лад, как старый Париж, где один за другим бесследно исчезают исторические кварталы, где старый город с каждым годом добавляет себе то сквер, то бульвар.

"Здесь, -- говорит Рибейроль, -- старые улицы в целостности сохранили свой характер, свою первобытную физиономию и даже свое профессиональное название.

Это архивы, помнящие старину и повествующие ее внимательному наблюдателю.

Каждый камень здесь рассказывает свою легенду, и все эти легенды по большей части португальские".

Что же говорит нам, например, улица Золотых дел мастеров -- *Rua dos Ourives* ! Она говорит нам, что было время, когда все эти лавки и магазины, по приговору правительства, были закрыты и запечатаны и сами инструменты отобраны и секвестрированы согласно приказу короля, присланному из Лиссабона. Все одинокие мастера, а также помощники их и подмастерья насильно забраны в солдаты, а семейные лишены куска хлеба, причем малейшее сопротивление этому указу наказывалось наравне с чеканкой фальшивой монеты.

Прекрасная правительственная мера для развития колониальной промышленности и производства!

Но что могло вызвать такое дикое распоряжение? Португальские интересы требовали того, португальские мастера не желали иметь конкурентов; они боялись художественных рисунков и отделки в работе некоторых из туземных мастеров, как например, Валентине да Фонсеки. Монополия, как известно, всегда порождает насилие!

В настоящее время улица *Ourives* пользуется правом беспрепятственно заниматься своим ремеслом, и все витрины блещут серебряными и золотыми раками, ковчежцами, подсвечниками и паникадилами, дарохранильницами и лампадами, словом, всякой церковной утварью. Впрочем, здесь делают даже и браслеты, аграфы [*аграф* -- *нарядная застежка*], диадемы, но Бенвенуто Челлини [*Бенвенуто Челлини (1500--1574)* -- *итальянский скульптор, ювелир, писатель*] очень редки в *Rua dos Ourives*. Швейцарцы, французы и немцы поселились здесь вместе с португальцами и бразильцами. Здесь работают с оптовой продукцией, а все изящное постоянно получают из Парижа.

Каково историческое значение улицы *d' Ouvidor* ("слушатель") -- название, вполне согласующееся с физиономией, обычаями и нравами этого квартала или улицы?

С двух часов пополудни и до одиннадцати часов вечера, а часто и за полночь улица эта положительно запружена гуляющими негодьями, артистами, художниками, депутатами, журналистами, словом, людьми, принадлежащими к высшему кругу общества, которые, прислонясь плечом к притолоке какой-нибудь двери или витрины магазина, стоят и

разговаривают оживленными группами. Сплетням и переговорам нет конца; никому нет пощады и помилования: все здесь затронуты и задеты. Тут, на этой улице, создаются и гибнут репутации, слагаются самые зlostные и меткие анекдоты, узнаются самые сенсационные новости; здесь негоцианты обдeldывают и решают свои дела, здесь устанавливается курс биржи и совершаются биржевые операции. Дамы, нарядные и кокетливые, прогуливаются между этими деловыми группами, улыбаясь знакомым и лишь изредка обмениваясь с кем-нибудь несколькими словами.

Трудно сказать, почему все проявляют такое пристрастие к этой улице, которая не имеет даже полутора метров в ширину.

В развлечениях тоже нет недостатка в Рио: здесь есть увеселения и развлечения разного рода. Прежде всего, рояли бrenчат и дребезжат с самого рассвета и до поздней ночи, без жалости ко многим сотням ушей, которые страдают от этого. Здесь с музыкой не церемонятся: всякий барабанит и бrenчит, как умеет, как хочет и как знает.

Затем, идут религиозные торжества и процессии, коим нет числа и предела. В каждом месяце есть одно, два или даже три таких торжества. Процессия Святого Георгия, Тела Христова, Рождества, Страстной недели, Успения и множество других, в числе коих я отмечу, как нечто совершенно необычайное, процессию казни Иуды Искарюта. Процессии эти есть на все дни и числа, на все легенды католиков, а одному Богу известно, как богата всякого рода легендами католическая религия.

Более сотни рабочих дней ежегодно пропадает благодаря этим религиозным празднествам и торжествам.

Негры боготворят зажженные свечи, музыку органа и дым кадилъниц, а дети становятся вне себя от восторга при виде сверкающих огней, ракет, римских свечей и петард, а потому и негров, и ребят можно видеть несметными толпами на всех процессиях.

Что же касается организаторов этих процессий, то есть патеров и монахов всех цветов и всех братств, то они отлично понимают, что традиции и привычки живут в народе долго* даже после того, как самая вера вымерла в сердцах. Поэтому-то они и провозят свои золоченные раки и ковчежцы, свои распятия и хоругви по пыльным улицам и дорогам города.

Бразильцы обожают театры и всякого рода зрелища; молодежь собирается по несколько раз в неделю и устраивает любительские спектакли в частных домашних театрах.

Господин Лиден также имел свою маленькую сцену и залу, которую часто отдавал любителям. Зала была большая, прекрасно обставленная и прекрасно освещенная. Любители нередко исполняли французские водевили, а также и небольшие бразильские вещицы, написанные специально для них или даже ими самими.

Театр--это удовольствие, которое преобладает над всеми остальными, удовольствие, до которого бразильцы положительно ненасытны: все слои общества увлекаются сценой.

Театр Сан-Педру-д'Алькантара на площади Конституции и Оларго-до-Росио не уступают первоклассным театрам Европы, а второстепенные сцены, как, например, Жимназио, Альказар и другие, ничуть не хуже небольших лондонских театров.

Альказар -- это Фоли-Бержер Рио; там пьют, кутят, разгуливают и при этом ухитряются не пропустить ни слова из всей пьесы.

Наиболее посещаем и лучше всех обставлен Большой лирический театр. Его дирекция щедро субсидируется правительством, так что имеет возможность ангажировать первейших знаменитостей Европы.

Бразильцы -- артисты в душе, они любят музыку и понимают в ней толк. Если певица или певец сумеют им понравиться, то они чрезвычайно щедры. Я помню, как при мне из Рио уезжала одна выдающаяся артистка; ее отъезд явился положительно общественным горем, хотя эта излюбленная дива была замужней женщиной и примерной супругой, что, кстати будь сказано, встречается гораздо чаще, чем вообще думают.

В мою бытность в Рио я имел случай слышать не изданную еще оперу "Гуаранис", произведение одного чрезвычайно талантливого бразильского композитора.

Я нашел, что музыка этой оперы превосходна, богата дивными мотивами, а сюжет в высшей степени трогателен. Мне почему-то кажется, что вскоре мы увидим этого маэстро в Париже, и это будет громадным удовольствием для всех истинных любителей музыки.

Из всего вышесказанного мы видим, что Бразилия всячески старается наверстать время, которое она вынуждена была потерять даром в период португальского владычества.

Странный обычай существует в Рио, а именно: в дни первых представлений и бенефисов выдающихся артистов площадь перед подъездами театра и прилегающие к нему улицы усыпают сплошь цветами и листьями. В первый раз, когда мне случилось идти в театр при таких условиях, я чуть не полетел носом вниз, так трудно и так скользко идти по этим цветам.

От театров всего один шаг и до церквей. Так сделаем же этот шаг и перейдем к описанию церквей.

Весь город буквально пестрит колокольнями и куполами: тут есть и оратории, и соборы, и приходские церкви, и часовни, и храмы всевозможных вероисповеданий, не исключая даже масонских лож. Здесь каждому предоставляется служить Богу, как ему хочется и как нравится.

Что касается архитектуры, церкви Рио ничем не замечательны, но внутри они богато разукрашены и сияют золотом, серебром и дорогими тканями; о живописи же можно сказать, что, за весьма немногими исключениями, это все отвратительная мазня, о которой и говорить не стоит.

Чтобы перечислить все церкви и часовни Рио, потребовалось бы исписать несколько страниц.

Скажу только, что наиболее выдающейся из всех церквей Рио, по моему мнению, следует назвать Ла-Канделлария, но, к сожалению, и она, как все

церкви в Рио, втиснута в узкий проулок, вследствие чего в ней совершенно темно.

Для красоты внешнего вида храма необходима перспектива, а этого-то мы почти нигде не видим в Рио. Церковь Карла, построенная на дворцовой площади, могла бы похвалиться лучшим местоположением, чем все остальные, но бок о бок с ней построили императорскую часовню, и благодаря этому близкому соседству обеим стало тесно, душно и темно.

В *Rua Directo* имеются две церкви: церковь Креста и св. Жозе; обе эти базилики ничем не примечательны. Затем следуют церкви св. Себастьяна, Розарио, Санта-Рита, Сан-та-Анна, Сан-Франциско, де-Пауло, Сан-Франциско-д'Ассиз, Глория и около сотни других.

С середины залива, когда минуешь остров *d'As -- Cobras* -- Змеиный, -- если взглянуть прямо перед собой, то невольно бросается в глаза громадное неуклюжее здание, напоминающее древний средневековый замок. Это монастырь Сан-Бенто, основанный в очень давние времена. Для страны этот монастырь стал настоящей святыней.

Все монастыри в Бразилии чрезвычайно богаты, особенно же славятся своим благосостоянием бенедиктинцы, которые владеют громадными *fazendas*, то есть монастырскими вотчинами, богатейшими цветущими фермами, которые обрабатываются сотнями рабов под присмотром и надзором монахов.

По этому поводу интересно вспомнить, что говорил папа Павел III о рабстве туземцев Бразилии в 1537 году.

"Индейцы, равно как и все народы земли, даже и те, которые не приняли крещения, должны быть свободны и наслаждаться обладанием того, что им принадлежит. Все, что не будет согласовываться с этим основным положением -- осуждается и законом Всевышнего, и законом естественным!"

В 1462 году папа Пий II грозил отлучением от таинства святого причастия всем португальцам, отправляющимся на ловлю негров в Гвинею.

В 1639 году папа Урбан VIII предавал проклятию рабовладельцев, в 1721 году Бенедикт XIV особым указом порицал и укорял бразильское духовенство и епископов в попустительстве рабовладению и, наконец, в 1839 году папа Григорий VII особой буллой подтвердил все эти порицания и воспрещения своих предшественников.

Но что до всего этого монахам Сан-Бенто или всем остальным? Рим далеко и, главное, совершенно бессилен, а им живется хорошо при этих условиях, и местные законы покровительствуют им.

Они лучше, чем кто-либо другой, могли бы противодействовать этому страшному злу, могли сделать много добра, но вместо того предпочли остаться богатыми *fazenderos* [*fazenderos* -- владельцы *fazend*, *помещики*] и стараются искупить свои грехи раздачей нескольких мисок супа.

Впоследствии я еще раз вернусь к этому интересному вопросу, а теперь перейдем к другому.

Одним из моих самых больших удовольствий было встать пораньше и пойти на рынок -- преимущественно на портовый рынок. Этого стариннейшего из всех рынков Рио теперь уже больше не существует, но все же я хочу сказать о нем несколько слов.

Каждое утро я встречал здесь одних и тех же торговков, присевших на корточки и неумолчно болтающих, спорящих и ссорящихся между собой, выраженных в лохмотья и кружева, грубых и вместе с тем своеобразно живописных.

Здесь есть и негритянки лавочницы, местные матроны, патрицианки рынка, с ключами от дома на крючке у пояса. Эти бразильские торговки соблюдают своего рода важность; они имеют своих рабов, которые раскладывают товар, предлагают его покупателям и ведут с ними переговоры, между тем как хозяйка лавки весело хохочет и переговаривается с товарками, а затем произносит свое решающее слово, когда торг между ее подручным и покупателем уже почти окончен.

Этих же рабов хозяйка лавки часто отправляет с ручным ларьком, нагруженным товаром, на углы улицы заманивать изнемогающих от жажды или же просто любопытных покупателей.

Но не думайте, что эти черномазые аристократки, лавочницы или торговки, имеют хоть каплю сострадания к своим несчастным сестрам и братьям, к своим одноплеменникам, находящимся в силу сложившихся обстоятельств у них в услужении, -- нет, они крайне безжалостны по отношению к ним, не видя ничего в жизни, кроме денег, и не стремясь ни к чему, кроме скопления грошей. Доказательством служит то, что португальцы, жадность, скупость и алчность которых вошла в поговорку, и те боятся иметь с ними какое-либо дело.

Ко второму разряду рыночных торговков принадлежат те, которые не имеют ларьков или лавчонок, а только лотки под навесом из холста или парусины, под которым они укрываются от солнца и дождя.

Эти последние часто бывают очень привлекательны, кокетливы и грациозны в своем наряде и движениях. У всех ослепительно белые зубы, яркие губы и прекрасные глаза. Стройные и тонкие, с гибкими талиями, с пытливым бегающим взглядом, они производят на путешественника довольно приятное впечатление. Это все дочери Минас-Жерайса или Баии; тип скорее восточный, чем африканский.

"Негритянки из Минаса или Баии, -- говорит Рибейроль, -- это черкешенки старушки Африки". А Рибейроль близко изучил их и знал лучше, чем кто-либо.

В принципе, в Бразилии рабства уже не существует, но это освобождение чисто платоническое, за исключением лишь детей, рожденных после указа об освобождении.

Все рабовладельцы весьма естественно продолжают эксплуатировать их труд и имеют на то полное право. Торг уничтожен, но рабы, как старые так и молодые, будут действительно свободны только по прошествии двадцати восьми лет по обнародовании приказа об освобождении.

Владелец задает своему рабу столько-то той или иной работы на день или на неделю, и тот во чтобы то ни стало должен выполнить заданное.

Они по-своему правы: они купили за наличные деньги это орудие для обработки своих земель; плоть и кровь рабов, их труд и пот, все принадлежит их владельцу. И такого рода убеждение нисколько не мешает хозяевам быть ревностными католиками, членами нескольких религиозных братств, или *Irmandadas*, следовать за всеми процессиями со взглядом, полным умиления и смиренно потупленным долу, с зажженной свечой в руках. Они усердно посещают церкви и набожно говеют каждый пост.

О праведники!

Свободные мулаты представляют собой в Рио особый класс людей, деятельных и умных, из которых постепенно образовывается, так сказать, своего рода третье, или среднее, сословие. Теперь их уже можно встретить и на высших ступенях административной власти, и в судебных палатах, и в ряду сухопутных и морских офицеров, и в мире художественном и ученом, и в области свободных профессий, словом, всюду. Эти люди принимают самое деятельное участие в судьбах своей родины и во всех делах и явлениях своего времени.

Дело в том, что в Бразилии для всех широко раскрыты двери: для чернокожих и мулатов, для индейцев и для метисов; как только они свободны, им всюду открыта дорога. Здесь закон не исключает никого, и самый характер нации охотно подчиняется этому справедливому требованию закона.

Будущее принадлежит этой смешанной расе, которая с каждым днем становится на ноги все тверже и тверже.

Рио освещен газом. Ни один из самых благоустроенных городов Европы не может похвастать таким порядком и безопасностью, как Рио: вы смело можете во всякое время дня и ночи пройти весь город из конца в конец, не рискуя ни малейшей неприятностью.

В Рио мало происходит несчастных случаев, потому что во всем царит образцовый порядок, а относительно пожаров надо сказать, что тамошние пожарные команды далеко оставляют за собой наши европейские команды, что, конечно, совсем не лестно для нас, европейцев.

ГЛАВА IX. Сан-Кристобаль

В продолжение целой недели, что я жил в Рио-де-Жанейро, у меня было столько дела, столько хлопот, что я положительно изнемогал от усталости. И вот однажды поутру, когда я чувствовал себя усталым и никуда не отправился, а присел привести в порядок свои записки и заметки, ко мне вошел господин Сойе и, смеясь, приветствовал меня словами:

-- Мне кажется, что вы у нас немножко разбаловались и разленились?

-- Нет, нисколько, -- возразил я, -- нисколько! Но признаюсь вам, эта жара и эти постоянные хлопоты очень утомили меня.

-- Нет, нет, -- сказал он, -- это совсем не то!

-- Не то?

-- Не то, не то!.. Скажите, сегодня пятница?

-- Да.

-- Ну, так слушайте же и принимайте к сведению то, что я вам скажу.

-- Слушаю.

-- Так вот, знайте, что по субботам от двух до пяти часов пополудни император еженедельно дает аудиенцию каждому, кто имеет до него надобность, просьбу или жалобу. Каждый, кто только желает видеть императора и имеет сказать ему что-нибудь, отправляется по субботам прямо во дворец Сан-Кристобаль без всяких испрошений аудиенции, все просто входят во дворец, поднимаются по большой парадной лестнице на первый этаж, проходят длинную галерею и входят в аудиенц-зал, причем никто не интересуется входящими.

-- Ба-а! Так просто? Но в таких случаях туда должна стекаться громадная толпа!

-- Да, народу бывает очень много!

-- Как же я в таком случае доберусь до императора?

-- Весьма просто, -- сказал господин Сойе, улыбаясь. -- Император знает наперечет всех, кто к нему имеет дело, и как только заметит в толпе новое лицо, тотчас же обращается к нему с вопросом. А вы мне, кажется, говорили, что знаете императора?

-- Да, я имел счастье быть ему представлен в бытность его в Париже, где мы обменялись с ним несколькими словами.

-- Вот видите! Император никогда ничего не забывает; раз он видел кого-нибудь, хотя бы только в продолжение нескольких минут, он во всякое время узнает его снова.

-- Право, все, что вы говорите, так необычайно, что у меня возгорается желание испытать и увидеть все это. Государь, который держит себя так просто и ведет себя так радушно, должен быть человеком недюжинным. И на его приемах мы не увидим ни солдат, ни штыков, ни придворных чинов вроде каких-нибудь гофмаршалов, церемониймейстеров и тому подобное?

-- Ни одной кошки! Там, во дворце, находится, правда, дворцовый караул, состоящий из двадцати солдат и одного или двух офицеров, но им решительно нет никакого дела до тех, кто входит во дворец или выходит оттуда.

-- Право, для того чтобы увидеть нечто подобное, надо ехать в Бразилию! У нас в Европе это показалось бы совсем невероятным!

-- Так, значит, вы поедете завтра в Сан-Кристобаль?

-- Конечно, конечно! Я ни за что на свете не решился бы упустить подобный случай присутствовать на приеме у императора, тем более, что буду особенно рад увидеть его величество.

-- Кстати, я чуть было не забыл вам сказать, что вам следует нанять коляску, запряженную парой мулов, что должно обойтись вам в две тысячи рейсов [*Около десяти франков, -- Примеч. автора*].

-- Эх, черт возьми! Да где же я найду эту коляску?

-- Не беспокойтесь, господин Лиден достанет ее для вас.

-- Прекрасно! А далеко туда добираться?

-- Не более трех четвертей часа.

-- О, это пустяки!

-- Так, значит, решено, вы завтра едете. А вечером вы, конечно, расскажете мне, как вас принял император.

-- Непременно!

После этого господин Сойе пожал мне руку и удалился.

Хотя я был вполне убежден в его правдивости, но все, что он рассказал мне сегодня, казалось мне столь необычайным, что я хотел во чтобы то ни стало проверить его слова. Он был южанин, родом из окрестностей Нима и, как все южные французы, отличался пылким воображением. Мне уже не раз случалось видеть, как он в разговоре увлекался превыше всякой меры, и, что было всего забавнее, впоследствии он же сам первый ловил себя на этом и с добродушным смехом восклицал:

-- Ай, ай! Я уже опять увлекся! Занесся, Бог весть куда! И все смеялись вместе с ним.

Взглянув в окно, я увидел, что господин Лиден находится у себя в саду и внимательно наблюдает за двумя англичанами, играющими в мяч со свойственной этой почтенной нации флегмой и серьезностью.

-- А-а, вы не уходите сегодня со двора? -- спросил он меня, пожимая мне руку.

-- Нет, сегодня слишком уж жарко! Я подожду, пока не спадет жара, -- разве вы не находите, что теперь трудно дышать?

-- Не-ет! -- протянул он. -- Температура обычная.

-- Большое спасибо: я положительно растаял, как воск на огне!

-- Хм! Ведь мы же не во Франции!

-- Да, я это замечая.

-- Вы имеете что-нибудь сказать мне?

-- Да, я хотел бы получить от вас одно сведение. Дело в том, что я хочу ехать в Сан-Кристобаль.

-- Прекрасно! И вам нужна коляска? Не беспокойтесь, я позабочусь об этом.

-- Благодарю, но это еще не все. Я желал бы знать, как мне следует явиться к императору?

-- Как? Неужели Сойе не сказал вам ничего об этом? Но ведь он же был у вас только что!

-- Да, но, признаюсь, он сообщил мне такие вещи, в которых я совершенно не могу разобраться.

-- Что же он мог сказать вам такого особенного?

Я пересказал ему почти слово в слово все то, что услышал от господина Сойе.

-- Ну что же, так оно и есть! -- подтвердил мой хозяин. -- Наш приятель не сказал вам ни слова лишнего.

-- Да это просто прелесть что такое! -- воскликнул я. -- Особенно приятно видеть монарха, который одновременно и простой смертный, как мы все, и император. У нас в Европе это нечто неслыханное... да вообще это редко где можно встретить!

-- Ну, а президент?

-- А-а, президент Соединенных Штатов! Да, вы правы, к нему в Белый Дом все входят, засунув руки в карманы.

-- Да, но я говорю не о нем, не об этом!

-- О ком же?

-- О президенте республики Франции!

-- А... да-да... но, добрейший господин Лиден, не будем говорить о политике.

-- Да разве это политика?!

-- О, конечно!

-- Но меня уверяли, что мсье Гревис...

-- Строгий пуританин, питающий глубочайшую ненависть ко всякого рода церемониям и живущий в Елисейском дворце, как скромный буржуа, да?

-- Да.

-- Я, видите ли вы, очень люблю легенды, когда они интересны, но все же правда кажется мне превыше всего. Я только раз решился переступить порог Елисейского дворца и готов сейчас еще продолжать убегать оттуда. Прежде всего мне всюду попадались на глаза различные чиновники и должностные лица. Должен вам сказать, однако, что я предварительно испросил аудиенции у президента республики, так как у меня было крайне важное дело, в котором президент мог помочь мне одним своим словом. Спустя неделю после того, как я просил аудиенции, я получил уведомление за подписью какого-то секретаря о том, что аудиенция мне назначена на такой-то день и час. И вот я прохожу мимо солдат: и тут и там -- повсюду стражи, караулы и часовые, на каждом углу и у каждой двери. Наконец я обратился к швейцару, раззолоченному, как иконостас, с шитьем и галунами по всем швам. И этот важный господин покровительственным тоном указал мне путь, но так сбивчиво и бестолково, что мне пришлось снова расспрашивать у целого десятка слуг и сторожей в богатых ливреях, с серебряной цепью на шее, пока наконец я не дошел до запертой двери, в которую мне пришлось постучать. Ее отворил мне тоже какой-то служитель и осведомился о том, чего я желаю; затем, взяв у меня из рук письмо, в котором говорилось о том, что я удостоен аудиенции у президента республики, попросил меня обождать. Я прождал по меньшей мере час, и тогда только вспомнили обо мне. Явился опять тот же служитель и предложил мне следовать за ним. Я встал и пошел. Пройдя бесчисленное множество ходов и коридоров, мой проводник наконец распахнул дверь и, доложив обо мне, пропустил меня мимо себя в роскошно обставленный кабинет. Я был настолько наивен, что вообразил, будто теперь наконец-то увижу президента республики, но еще ни разу в жизни я так жестоко не ошибался. Нет! Тот господин,

которого я увидел перед собой, был жалкий адвокатишка без дела, который несколько лет тому назад был чуть ли не нищим и которому мне случилось оказать громадную услугу. Теперь этот господин, с важностью развалившись в удобном кресле, курил "Регалию".

-- Милостивый государь, -- сказал он покровительственным тоном и как бы не узнавая меня, -- господин президент председательствует в настоящий момент на совете министров и потому не может принять вас; он поручил мне заменить себя, что я и исполняю. Будьте добры объяснить мне в нескольких словах ваше дело, потому что я очень занят. Что вы имеете сказать?

-- Ровно ничего, милостивый государь, -- сухо ответил я, -- я желал говорить исключительно с господином президентом и ни с кем более! -- Я встал. -- Кстати, милостивый государь, если опять представится такой случай, что вы будете иметь надобность в крупной услуге, то адрес мой вам известен, я всегда буду рад служить вам!

-- Но, милостивый государь, я... -- начал было он.

Я не дал ему закончить фразу, отвесил сухой поклон и вышел... Ну, как вам нравится подобная аудиенция?

-- Хм! -- промышчал господин Лиден, покачав головой.

-- Мой рассказ -- это нечто более точное, чем даже фотографический снимок, могу вас в этом уверить. Надо вам сказать, что, кроме слова "республика", у нас нет ничего

республиканского, так что скорее можно поверить, что находишься в монархии, чем-- в свободной стране, где царит равенство и равноправность. Вот почему я был так удивлен тем, что услышал от вас и от господина Сойе. Очевидно, император и президент республики обменялись ролями. Впрочем, у них есть одна общая черта: президент -- честный и порядочный человек, а император Бразилии еще выше того; потомство назовет его великим!

-- Bravo! -- радостно воскликнул господин Лиден. -- То, что вы сейчас сказали, все мы сознаем.

На другой день, поутру, в назначенный час, мне подали прекрасную коляску, и пара добрых мулов галопом помчала меня от дома.

Улицы, по которым приходилось ехать в Сан-Кристоваль, широкие, дорога отличная, но две вещи неприятно поразили меня. Первое -- то, что исправительное заведение -- так называются в Бразилии все тюрьмы -- находится на той самой улице, по которой император должен проезжать каждый раз, когда он отправляется во дворец или же возвращается оттуда. По моему мнению, эта тюрьма не должна была бы быть постоянно на глазах государя -- это должно только огорчать его. А второе, что неприятно поразило меня, так это свалочное место, куда сваливаются всякие нечистоты, падаль и тому подобное, устроенное на расстоянии всего какой-нибудь четверти мили от императорского дворца, на одной из лучших и красивейших улиц нового города. Мало того, что эта свалка отравляет воздух, но еще, кроме того, привлекает сотни и тысячи отвратительных черных коршунов, известных под

названием *галиназос*, которые целыми стаями садятся на крыши домов и оглашают воздух резким, пронзительным криком. Император вынужден также каждый раз проезжать мимо этого места, зараженного ужаснейшим зловонием, крайне неприятным и вредным, что, по-моему, совершенно непростительно для такого большого и богатого города и при этом столицы государства, каким является Рио-де-Жанейро.

Общий вид дворца очень привлекателен; издали кажется, будто он прислонен к высоким горам, замыкающим горизонт позади его, подавляя своими громадными размерами все ближайшие здания, которые кажутся маленькими и жалкими в сравнении с темной громадой этих гор.

Перед входом идет род перистиль [*Перистиль -- окруженный с четырех сторон колоннадой прямоугольный двор*], не блистающего особой красотой, затем широкая раскрытая решетка.

Пройдя за решетку, у которой постоянно стоят двое солдат, приходится идти по длинной аллее, обсаженной двойным рядом деревьев, не дающих ни капли тени. Вправо, влево и позади дворца раскинулись чудесные сады, придающие чисто феерический вид всему зданию. Самый дворец -- одноэтажный и притом совершенно простой архитектуры.

В сущности, Сан-Кристобаль -- скорее коттедж, чем дворец. Мой кучер, миновав часового, подъехал прямо к маленькому боковому крылечку. Солдаты на посту сидели в самых непринужденных позах и, очевидно, нисколько не интересовались тем, что происходило перед их глазами. Тут же перед дворцом уже стояло несколько экипажей. Я вышел из своей коляски, мой кучер отъехал и встал подле других экипажей, а я спокойно вошел во дворец, двери которого были широко открыты.

Передо мной находилась широкая лестница, устланная ковром. Я поднялся по ней. Навстречу мне показался какой-то человек, которого я принял за служителя или лакея, но который на самом деле оказался камергером его величества. Я обратился к нему с вопросом, где могу увидеть императора.

-- Идите прямо, вторая дверь налево! -- ответил он, улыбаясь.

Я прошел через громадную залу, казавшуюся узкой вследствие своей необычайной длины. Зала эта была пуста, в ней даже не было мебели, ни одного стула, ни одной табуретки, но зато стены были сплошь увешаны картинами, которые, как мне показалось, почти все принадлежали кисти великих мастеров различных школ и эпох. Некоторые из этих картин положительно заставили меня остановиться; они до такой степени поглотили мое внимание, что я на некоторое -- кажется, даже довольно продолжительное время -- совершенно забыл о том, зачем я здесь. Какие-то двое людей, выйдя из двери в конце этой залы, разговаривая довольно громко между собой, заставили меня очнуться. Я вздрогнул, как бы внезапно пробужденный ото сна, и поспешно двинулся дальше. Дойдя до дверей в конце залы, я отворил их и очутился в прекрасно обставленной, довольно большой комнате, в которой, по-видимому, весьма удобно расположились человек двенадцать монахов капуцинов, усердно перешептывавшихся между собой. Они даже не обратили на меня

внимания, когда я проходил мимо. Затем я очутился в длинной и узкой галерее, в которой находилось очень много народу.

В конце этой самой галереи стоял сам император: я узнал его с первого же взгляда по его высокому росту, большой белокурой с проседью бороде и улыбающемуся приветливому лицу.

Заметив меня, император без церемонии отстранил теснившихся вокруг него лиц и направился ко мне навстречу.

Его величество пожал мне руку и заметил, что я долго заставил его ожидать своего визита.

Я принялся извиняться, как мог, но император, улыбаясь, прервал меня на полуслове и сказал мне несколько таких милых, душевных слов, которые невольно тронули мое сердце, несмотря на то, что в душе я ярый республиканец.

-- Посмотрите, -- сказал он с милой и ласковой улыбкой, -- я желаю подольше побеседовать с вами, но в данный момент вы сами видите, что это невозможно. У меня набралась здесь целая толпа этих добрых людей, которых мне следует постараться по возможности удовлетворить и утешить. Прошу вас, не откажите мне в удовольствии видеть вас у меня в будущий понедельник поутру. Мы тогда будем одни и поговорим о милом Париже. Решено?

Я почтительно поклонился, и затем император любезно проводил меня до самой картинной галереи, после чего крепко пожал мне руку на прощание. Час спустя я уже возвращался в Рио. Я был в восторге!

ГЛАВА X. Бразильцы и французы

Вернувшись из Сан-Кристовалья, я сел в трамвай и отправился к господину Сойе. -- А-а! -- воскликнул он, увидев меня. -- Я ждал вас с нетерпением! Ну что же? Вы остались довольны? -- О, я восхищен, все было точно так, как вы говорили, но только меня заставили вписать мое имя в какой-то список.

-- Да-да, я забыл вам сказать об этом, это пустяковая формальность, не имеющая, впрочем, ничего неприятного. Кроме того, выполняется она всего только раз при первом посещении.

Я сообщил господину Сойе о милостивом приглашении, которым меня удостоил император, на что мой собеседник воскликнул:

-- Я так и знал!.. А завтра что вы думаете делать? Есть у вас на завтра какие-нибудь приглашения?

-- Никаких.

-- Значит, вы свободны? В таком случае я хочу предложить вам нечто: в воскресные дни, надо вам сказать, в Рио нет никого, одни уезжают в Ботафаго, в Сан-Кристоваль, другие -- в Сан-Доминго, в горы или же на Тижуку [*Тижука -- озеро и гора в окрестностях Рио-де-Жанейро*], а те, которые никуда не едут, прячутся у себя в домах и... и потому вы согласитесь, может быть, доставить удовольствие моей жене, которая

очень желает видеть вас своим гостем; она прочла большинство ваших романов и хотела бы познакомиться с их автором.

-- Очень ей благодарен, я только боюсь, чтобы, увидев меня, ваша супруга не разочаровалась.

-- Ох, какой вы кокетка!.. Итак, если вы ничего не имеете против, завтра около трех часов я заеду за вами, и мы вместе отправимся к моей жене. Отобедаем у меня запросто, по-семейному.

-- Я буду чрезвычайно рад познакомиться с вашей женой и детками, я этого давно желал.

-- Так, значит, решено? Завтра я заеду за вами.

-- Да, да, я буду ждать!

Я вскочил в проезжавший мимо трамвай, или, как их здесь называют, *boud*, и вернулся домой.

Переодевшись, я отправился делать визиты. В мое отсутствие ко мне заходил один господин и оставил мне книгу, в которой я нашел карточку. На карточке этой я прочитал: *А. д'Эскраньоль Тонай, штаб-офицер бразильской армии.*

Оставленная мне книга крайне заинтересовала меня; она была озаглавлена: "Отступление от Лагуны; эпизод из Парагвайской войны". Книга эта была написана по-французски и издана в Париже в 1879 году, автор ее, вероятно, был тоже француз. Я обратился с расспросом относительно господина Тоная к моему любезному хозяину. Оказалось, что он прекрасно знает этого офицера, отец которого действительно был французом и в продолжение нескольких лет являлся французским консулом в Рио. Сын его, родившийся в Бразилии, натурализовался [*натурализоваться -- принять гражданство какого-либо государства*] и служил теперь в бразильской армии. Он всеми уважаем и весьма ценим императором, который знает толк в людях и редко ошибается.

Получив все эти сведения, я вернулся в свою комнату и развернул книгу. На первом листе ее автор написал очень милое и любезное посвящение мне, за что я был, конечно, весьма ему признателен. Такого рода внимание всегда лестно и приятно нашему брату. Кроме того, эта книга заинтересовала меня еще и потому, что, находясь в Бразилии, я вполне естественно желал как можно лучше ознакомиться с историей и литературой этой страны, а присланная мне книга относилась к истории войны Бразилии с Парагваем [*В 1865--1870 гг. коалиция Аргентины, Бразилии и Уругвая вела войну с Парагваем, достигшим существенных успехов в экономическом развитии. В результате военных действий территория Парагвая была оккупирована вражескими войсками, большая часть населения истреблена*]. Засев за нее, я прочел ее залпом, настолько она была интересна по своему содержанию и при этом написана так живо, так ярко в ней были обрисованы типы, что нельзя было не увлечься.

В тот момент, когда я дочитывал последние строки и уже готов был захлопнуть книгу, ко мне в комнату зашел господин Сойе.

-- Ну что? Вы готовы? -- спросил он, пожимая мне руку.

-- Весь к вашим услугам! -- ответил я.

-- Прекрасно! Значит, мы можем ехать... Скажите, что вы читали, когда я вошел?

-- Книгу господина Тоная.

-- А-а... "Отступление от Лагуны"?

-- Да; вы ее читали?

-- Нет, я в военном деле решительно ничего не смыслю! Вы все забываете, что я не более как только часовщик... Так вы готовы? Едем! Ведь нам далеко ехать!

-- За город?

-- Нет, я не настолько богат, чтобы иметь возможность снять дачку в Ботафаго или Сан-Доминго; я живу в скромном домишке на самом краю города по дороге в Сан-Кристобаль.

Разговаривая таким образом, мы вышли из дома. Господин Со́йе остановил проезжавший мимо трамвай, и несмотря на то, что он был полон публики, мы все-таки ухитрились кое-как уместиться.

Наши мулы везли нас всю дорогу галопом. Кажется, эти бедные животные не знают здесь другого аллюра. Минут через двадцать господин Со́йе дернул за шнур звонка -- и трамвай остановился разом, как вкопанный. Мы сошли.

-- Я живу на этой улице, что прямо перед нами! -- сказал мой спутник.

-- Что же вы говорили, что это так далеко?

-- Да, если бы мы пошли пешком, то шли бы, вероятно, не менее часа.

-- Неужели?

-- Да, могу вас уверить!

Мы стали подниматься вверх по улице, которая шла в гору и хотя была светлая, широкая и прекрасно вымощенная, что в Рио довольно редко, но такая крутая, что мы подвигались с трудом. Я совершенно задыхался, да и мой спутник не меньше меня.

-- Ну, вот мы и пришли! -- вымолвил наконец господин Со́йе, вздохнув полной грудью.

Вдруг дверь его квартиры сама собой распахнулась, и на пороге показалась еще молодая и очень красивая женщина с ребенком лет трех на руках.

Ребенок был прелестной белокурой девчуркой с вьющимися, как у херувима, волосами и веселыми, смеющимися глазками.

-- А-а, папа! Папа! Здравствуй, папа! Нини была хорошей девочкой!

И она повисла, обхватив обеими ручонками шею отца.

-- Ты была умница? Да?

-- Да, папа, очень, очень хорошей! Да, мамочка?

-- Хм! -- неопределенно вымолвила молодая женщина. -- Мне кажется, что не совсем! -- И она улыбнулась, обнаружив при этом два ряда ослепительной белизны зубов. -- Но входите, прошу вас! -- обратилась она ко мне. -- Зачем же вам стоять так долго в дверях?

Мы вошли.

Любезная хозяйка провела меня в гостиную, усадила и стала расспрашивать о том, как мне нравится Рио, хорошо ли меня приняли здесь, доволен ли я своей квартирой, наговорила мне много приятного о том, как она страстно желала познакомиться со мной, как она увлекалась моими книгами и тому подобное, а затем, извинившись, пошла присмотреть за своим хозяйством.

-- Ну, а теперь располагайтесь, как у себя дома, -- обратился ко мне господин Сойе, -- мы люди не церемонные, и я желаю только одного, чтобы вы чувствовали себя хорошо у меня в доме. Если хотите, я покажу вам нашу квартиру; тогда вы будете иметь понятие о том, что такое бразильский дом.

Мне уже была знакома оригинальная архитектура домов в Рио, но я не имел ни малейшего представления о том, каково их внутреннее устройство и расположение. Я не стану утверждать, будто все дома в Рио таковы, как дом господина Сойе, но, насколько я сумел убедиться впоследствии, все они весьма плохо устроены, очень дурно распланированы, неудобны и совершенно лишены всякого комфорта.

Едва вы войдете в квартиру, как увидите прямо перед собой лестницу, приблизительно ступенек в тридцать, по обе стороны которой громоздятся высокие, глухие каменные стены; самая лестница до того узка, что занимает не более полутора футов в ширину. Спустившись по этой лестнице вниз, вы попадаете на кухню, откуда ведет дверь в сад величиной с ладонь, без малейшего намека на тень, но прекрасно прибранный и выметенный. Кухня -- или, вернее, подвал с земляным полом, служащий кухней -- низкая, но довольно светлая, благодаря настежь открытой двери в сад. Рядом с этой кухней находится точно такая же ванная комната, а из этой ванной ведет вверх другая лестница, ужасно крутая, по которой непривычному человеку трудно подниматься. Преодолев это препятствие, вы попадаете в огромную столовую, прекрасно освещенную четырьмя громадными венецианскими окнами, из которых открывается чудный вид, но это нельзя приписать искусству архитектора и приходится только благодарить его за то, что он не догадался загородить чем-нибудь этот вид. Эта прекрасная, светлая и высокая комната находится на полпролета лестницы влево, а в самом конце ее, справа, прехитро устроена дверь, переступив за порог которой, вы ежеминутно рискуете слететь или скатиться прямо в кухню с высоты приблизительно от полутора до двух метров, без малейшей возможности уцепиться за что-нибудь и тем самым удержаться от окончательного падения.

Переступив с надлежащей осторожностью порог этой двери, вы вступаете в длинную анфиладу комнат с высокими потолками, прекрасно освещенных большими окнами и роскошно обставленных на французский лад со вкусом и изяществом, присущим только парижанкам.

Особенно меня прельстили прекрасные кровати, с большими и малыми подушечками, с легкими волосяными и упругими пружинными матрацами -- словом, такие, к каким мы привыкли во Франции.

Господин Сойе сообщил мне, что такого рода кровати можно достать и в Рио, но только они стоят громадных денег.

Таков был дом, в котором жил господин Сойе; он ужасно дорожил им, поскольку, как он сам говорил, дом это был чрезвычайно удобен, и ему пришлось долго искать, прежде чем напасть на это помещение. Каковы же должны были быть те дома, которые считаются здесь неудобными!

К обеду вместо одного компаньона господина Сойе прибыли двое. Один -- француз, другой -- бразилец, прелестный парень, веселый, добродушный, говоривший по-французски, как урожденный парижанин.

Впрочем, в Рио решительно все говорят по-французски, и я положительно удивляюсь, почему бразильцы считают своим родным языком португальский, тогда как по характеру они настоящие французы. Да и по происхождению своему они, как и французы, принадлежат к той же латинской расе.

В шесть часов мы сели за стол.

Всего нас было семь человек, считая в том числе и сына господина Сойе, красивого юношу лет шестнадцати, и маленькую белокурую дочурку.

Обед был прекрасный, достойный лучшего ценителя, чем я, потому что ем я очень мало, а пью еще того меньше. Тут были и бордоские вина и прекраснейшие бургундские самых высоких марок, а также и шампанское. При этом я невольно вспомнил так долго ходившую легенду о том, будто бы одни только бордоские вина могут выносить переезд через океан, а все остальные непременно портятся в пути и становятся совершенно негодными к употреблению, тогда как бордоские вина становятся только лучше, пробыв столь долгое время в пути.

За десертом на стол поставили превосходнейший пернамбукский ананас. Эти ананасы приготавливаются особым образом и отличаются необыкновенно приятным вкусом.

Обед прошел очень весело и оживленно, каждый чувствовал себя совершенно как дома, а хозяин все время шутил и смешил всех до слез; между прочим, он вспомнил один старинный афоризм, в котором выражена такая мысль: "Всякий человек, пригласивший к себе гостя к обеду, должен заботиться о том, чтобы тот был счастлив и доволен во все время, пока будет продолжаться обед". И надо отдать справедливость, господин Сойе прекрасно справился бы со своей задачей без помощи своего сына, шестнадцатилетнего мальчика, обожаемого, как видно, матерью, избалованного донельзя и вообразившего, что ему все позволено; этот мальчуган обо всем говорил с такой самоуверенностью, решал, не задумываясь, какие угодно вопросы и как бы чувствовал себя умнее всех. Отец, по-видимому, все замечал и понимал и весьма неодобрительно посматривал на поведение сына, но не говорил ему ни слова, боясь огорчить жену, слушавшую с видимым удовольствием все, что говорил ее любимец. В числе множества других вещей, более или менее глупых, неуместных и бестактных, он торжественно заявил, что как только достигнет надлежащего возраста, то тотчас же намерен

натурализоваться. На эту тему он принялся распространяться весьма глупо, наговорив много неприятного и обидного для французов, в обществе которых он находился, заставляя краснеть отца.

Этот мальчишка, почти ребенок, в сущности не имевший еще никакого понятия ни о чем, уже позволял себе говорить, что Франция -- погибшая страна, что новый закон рекрутского набора -- дело постыдное, что он не имеет желания стать солдатом во Франции и быть убитым, служа пушечным мясом, и тому подобное.

Конечно, в нем говорила прежде всего жалкая трусость, и этим, главным образом, мотивировалось его желание стать бразильцем. К несчастью, за время моего пребывания в Америке я имел возможность убедиться, что во всех странах, которые я посетил, сыновья французских семейств рассуждают точно таким же образом и дрожат при одной мысли стать солдатами. Немцы внушают им какой-то невероятный страх. Это позорно для Франции, и надо благодарить Бога, что эти юноши останутся в Америке, а не вернутся на свою родину.

Около десяти часов вечера мы встали из-за стола, и все начали собираться домой.

Двое компаньонов господина Сойе предложили проводить меня до дома.

Я простился с госпожой Сойе, наговорил ей много любезностей, которые она вполне заслуживала, пожал руку ее мужу, и мы вышли.

Сев в трамвай, мы беседовали всю дорогу.

-- И все они такие, эти мальчишки! -- пожимая плечами, сказал француз.

-- Нечего сказать, приятное приобретение для Бразилии! -- заметил бразилец, иронически улыбаясь.

Когда я несколько дней спустя снова встретился с господином Сойе, этот славный человек стал извиняться передо мной за те глупости и бестактности, какие себе позволил его сын в моем присутствии.

Я же крепко пожал ему руку и сказал:

-- О, он еще так молод, с годами он, конечно, переменит свой взгляд на вещи!

Господин Сойе положительно просиял от моих слов, так был он рад этому утешению, -- бедный отец!

Часов в одиннадцать вечера я был уже дома, а полчаса спустя спал крепким сном.

ГЛАВА XI. О том о сем

На другой день, в понедельник, я отправился во дворец, согласно приглашению императора. На этот раз дворец был совершенно безлюдным, точно дворец из сказки "Тысяча и одна ночь", где некая злая волшебница заколдовала всех обитателей, которых объял непробудный сон, а в живых остался всего только один человек.

Поднявшись по лестнице, я прошел картинную галерею и вошел в первую залу, где нашел камергера, который сказал мне, что император

ожидает меня в той зале, где происходят его обычные приемы, в конце длинной галереи.

Я ускорил шаги, но уже на половине пути меня встретил император. Дружески пожав мне руку, он провел меня в маленькую домашнюю гостиную, пододвинул мне кресло и сам сел рядом со мной.

Между нами завязался длинный увлекательный разговор на самые разнообразные темы. Император прекрасно говорил по-французски -- мало того, он говорил с известной изысканностью и элегантностью.

Как я уже говорил выше, император дон Педру II -- человек очень высокого роста, с крупными характерными чертами, с длинной прямой бородой, некогда белокурой, но теперь уже с сильной проседью, открытым взглядом серых глаз и добродушным приветливым лицом. Но под этим видимым добродушием скрывалась железная воля.

Рожденный в эпоху смут и беспорядков, он рано узнал жизнь. Он имел у себя перед глазами такие примеры, которые могли бы сделать его скептиком на всю жизнь, но он был добр от природы и остался таковым, несмотря ни на что. Он не требовал от людей и от жизни больше, чем те могли дать, и потому в нем не появилось ни озлобления, ни раздражения против них. Бразильский император -- не только человек с большим умом и сердцем, но и человек высоко образованный, многому обучавшийся, многое изучивший на пользу и для блага Бразилии.

Император до того деятелен и предприимчив, что положительно ни перед чем не останавливается; он неукоснительно ведет свою страну по пути прогресса; в течение нескольких лет он положительно пересоздал Бразилию, и все же ему кажется, что его страна развивается недостаточно быстро.

Поговорив о том о сем, император наконец обратился ко мне с милой улыбкой и сказал:

-- "*Gazetta de Noticias*" сообщила вместе с вестью о вашем приезде также и о том, что вы привезли мне какой-то подарок. Правда это?

-- Совершенная правда, ваше императорское величество, я действительно желал предложить вашему величеству нечто такое, что могло бы быть вам приятно и вместе с тем полезно, и не нашел ничего более подходящего, чем фонограф, которым в момент моего отъезда из Парижа увлекались решительно все, как интересной новинкой.

-- Неужели вы привезли мне фонограф?! -- радостно воскликнул император. -- Вот прелестный сюрприз! Благодарю вас от всей души, -- добавил он, пожимая мне руку, -- я помещу его в Политехнической школе... Где же он теперь находится, этот фонограф?

-- Я думал было захватить его с собой, но это такая громоздкая и тяжелая вещь, что мне пришлось бы нанимать отдельную повозку для перевозки этих пяти больших ящиков, и я не успел бы прибыть к назначенному вашим величеством часу.

-- Да, это правда, тем более, что мне пришлось бы перевозить их обратно в Рио... Где же он находится теперь?

-- У меня на квартире, ваше императорское величество.

-- А-а, у Лидена?

-- Как! Вам это известно?

-- Да, а иначе на что же мне дана полиция? -- засмеялся император.

-- Если позволите, я пришлю за ним сегодня же, -- добавил он после некоторого молчания.

-- Как вам будет угодно, ваше величество, а теперь позвольте мне откланяться, чтобы вернуться прежде, чем приедут брать фонограф!

-- Ну поезжайте, поезжайте, я вас не держу, только знайте, что я в любое время буду рад вас видеть, а кроме того, во все время вашего пребывания в Рио, я желаю видеть вас у себя каждый понедельник в эти же часы.

-- Я буду очень счастлив, ваше величество! -- сказал я.

-- Итак, до будущего понедельника! -- повторил император. -- Не так ли?

-- Непременно! -- ответил я, откланиваясь.

Прошло не более получаса как я успел вернуться себе, как к нашему дому подъехала коляска, запряженная парой мулов; из нее вышел камергер высочайшего двора и осведомился обо мне.

Ему сказали, что я только что вернулся. Он поднялся по лестнице и постучал в мою дверь.

-- Войдите! -- сказал я.

Камергер вошел, раскланялся и объявил мне, что прислан императором.

-- Да-да, знаю, за фонографом. Он в полном вашем распоряжении; только предупреждаю вас, что он очень тяжел и что с ним следует обращаться крайне осторожно!

-- Император уже предупредил меня об этом, и я принял все зависящие от меня меры. А теперь позвольте мне спуститься вниз и позвать носильщиков.

-- К чему вам беспокоиться; их можно крикнуть через окно! -- заметил я.

Так и сделали. Явились носильщики, сильные, здоровые, ловкие парни, подняли ящики и осторожно вынесли их из квартиры; десять минут спустя все было уже кончено, и, как я впоследствии узнал от самого императора, все было доставлено до места в целости, чему я, конечно, от души был рад.

За несколько дней до того я присутствовал на одном обеде, на котором мне никто из присутствующих не был знаком, кроме директора большого водочного завода в Порто-Реаль.

В числе гостей на этом обеде были два французских врача: господин Курти, профессор медицинской школы в Рио, и господин Бриссей, который только что блистательнейшим образом защитил диссертацию при медицинском факультете в Рио.

Следует заметить, что господин Бриссей получил звание доктора медицины в Париже, но местный закон требует, чтобы всякий врач, приезжающий в Бразилию с намерением практиковать, предварительно защитил диссертацию при медицинском факультете в Рио. Этот закон, кажущийся с первого взгляда обидным, на самом деле очень разумный.

Когда я в первый раз, лет тридцать тому назад, был в Америке, то множество всяких шарлатанов, которые не были даже фельдшерами, не говоря уж о врачах, не имея ни малейшего понятия о медицине и не зная, чем прокормиться, нахально называли себя врачами -- на что они имели совершенно такое же право, как назваться каменщиками или столярами, так как не были сведущи ни в том, ни в другом.

В руках таких врачей больные мерли, как мухи по осени. Эта необычайная смертность обеспокоила правительство, и в Бразилии был издан закон, требующий, чтобы каждый, именующий себя врачом и желающий применять свои полезные познания в Бразилии, предварительно сдал своего рода экзамен и защитил диссертацию при медицинском факультете в Рио.

Одним из наиболее выдающихся гостей за столом, во время вышеупомянутого обеда, был некий господин Набук, депутат народного собрания, человек еще молодой, лет тридцати двух, с живым, проницательным взглядом и умной улыбкой. Это был человек в высшей степени образованный, владевший несколькими языками, с меткими суждениями и ясным, правильным взглядом на вещи. Кроме того, он был прекрасно знаком со всеми европейскими политическими деятелями и сам, как оказалось, был предводителем оппозиции совета, что в таком молодом человеке весьма удивительно.

Но о нем я буду еще говорить впоследствии, когда ближе узнаю его, а теперь скажу, что обед продолжался до половины десятого вечера, так что в конце концов я чувствовал себя крайне усталым и изможденным.

Выйдя на улицу, я нанял коляску за пятьсот рейсов. Подъехав к своему дому, я стал рассчитывать со своим возницей -- и тот вдруг, без всякого основания, вздумал требовать с меня ровно вдвое больше, то есть тысячу рейсов. Я, конечно, не захотел позволить этому негодяю глумиться надо мной и вступил с ним в пререкания. Меня уже начало сердить его нахальство, и не знаю, чем бы все это кончилось, если бы один из полицейских инспекторов, следивший на протяжении некоторого времени за нашим разговором, не положил конец этому неприятному столкновению, вскочив в коляску и приказав вознице везти себя куда-то -- но куда именно, я не расслышал. Предполагаю, однако, что разом присмиревший извозчик вынужден был ехать на один из полицейских постов, что не было для него большим удовольствием.

Я положительно не мог удержаться от смеха при виде перемены, произошедшей в лице этого злополучного возницы, когда он понял, что попался на месте преступления.

Я чувствовал себя настолько плохо, что, вернувшись домой, выпил горячий грог, мое любимое лекарство во всех подобных случаях, и, плотно завернувшись в одеяло, тотчас же лег спать.

На следующий день, несмотря на все еще скверное самочувствие, я оделся и отправился в *konfiteria* Дероша.

В Рио нет кафе, а есть только *конфитерии*, но это в сущности только другое название, а на самом деле это одно и то же.

Здесь я условился встретиться с господами Курти и Бриссеем, которые пригласили меня сюда к трем часам пополудни.

Когда я явился, мои новые знакомые уже ожидали меня и после обычных приветствий осведомились о том, чем меня угощать.

Я отвечал, что не хочу ничего, во-первых, потому что чувствую себя больным, а во-вторых, потому что никогда ничего не ем между обедом и ужином.

-- На что вы жалуетесь? -- спросил меня доктор Бриссей.

-- Право, не знаю, какое-то общее недомогание, вероятно, вследствие сильного переутомления.

-- А, -- сказал он, -- это сущие пустяки, я берусь вылечить вас за четверть часа!

-- Очень буду вам благодарен.

-- Нет, не благодарите, просто мы с Курти решили, что будем все втроем обедать у Моро и затем отправимся в Альказар, так что вы понимаете -- в наших же интересах, чтобы вы были здоровы.

-- Да, но...

-- Та, та, та! Подождите меня всего пять минут, и вы сами увидите.

С этими словами доктор Бриссей надел шляпу и вышел.

-- Доктор, конечно, шутит? -- спросил я господина Курти, оставшись с ним вдвоем.

-- Нисколько! Это прекраснейшее португальское средство -- или, вернее, индейское, так как португальцы заимствовали его у индейцев.

-- О, если это индейское средство, то я в него верю, мне уже не раз приходилось испробовать на себе и других индейскую медицину, и я могу только похвалить ее!

-- А вот и доктор!

Действительно, в дверь кондитерии вошел доктор Бриссей с маленькой баночкой в руке. Подозвав слугу, он потребовал у него стакан, налил в него немного воды и влил туда все содержимое баночки.

-- Выпейте разом, -- сказал он, подавая мне стакан. Я повиновался.

Мои сотоварищи закурили по сигаре, я последовал их примеру.

Завязался оживленный разговор; говорили обо всем, но только не о том лекарстве, которое мне дали выпить. Публика начинала прибывать. Пришли еще несколько французов, которые подходили и пожимали руки двум моим собеседникам и затем подсаживались к нашему столику. Все они были чрезвычайно милы и любезны со мной.

В общем, пили одни только освежительные напитки, но зато в громадном количестве.

Когда настало время расходиться, все достали из карманов пачки разноцветных ассигнаций, в большинстве случаев очень жирных, сальных и затасканных. В Бразилии в обращении очень мало золота и другой звонкой монеты. И местные жители -- как европейцы, так и бразильцы -- очень привыкли к этим деньгам и находят их весьма удобными; что же касается меня, то я никогда не мог к ним привыкнуть. Для местных жителей это, конечно, не неудобство, для путешественника -- дело другое:

все эти ассигнации и никель ходят только в Рио и в Бразилии, а как только вы выезжаете за пределы этой страны, вам приходится обменивать эти деньги на золото, преимущественно на английские фунты стерлингов, которые ходят везде, тогда как французское золото часто падает так низко по курсу, что приходится на нем терять почти четверть стоимости, что, конечно, разорительно.

А ведь было время, когда, кроме золотых унций и серебряных пиастров, здесь не знали другой монеты; теперь же все эти страны разорены вконец и вряд ли когда-нибудь опять поправятся.

На это имеется масса причин, весьма сложных, но, конечно, главнейшие из них -- дурные правительства, нелепые революции и воровство, грабеж казны, возведенный в степень своего рода профессии.

Часов в шесть мы вышли из кондитерии и отправились обедать.

-- Ну как вы себя чувствуете теперь? -- осведомился доктор Бриссей.

-- Право, -- ответил я, смеясь, -- я чувствую себя прекрасно, мало того, полагаю, что буду даже в состоянии отлично пообедать.

И это было действительно так: я не ощущал ни малейшего недомогания.

ГЛАВА XII. Продолжение предыдущей главы

Ресторан "*Freres Priveneaux*", который содержит известный всему городу Моро, бывший зуав [*Зуавы -- части легкой пехоты во французских колониальных войсках, комплектовавшиеся главным образом из жителей Северной Африки и добровольцев-французов*], -- бесспорно, лучший ресторан в Рио. Он помещается на улице Овидор, то есть в самом модном и людном квартале; вход с переулка, но лестница прекрасная, напоминающая европейские. Общая зала роскошно убрана богатыми зеркалами и освещена газом, так что невольно можно подумать, что находишься в одном из ресторанов Парижа, у Петерса или Бребана. Прислуга превосходная, сервировка отличная, но цены очень высоки; что же касается стола, то кухня оставляет желать очень многого, если только вы не знакомы лично с хозяином и не пользуетесь его особой благосклонностью.

Сам Моро -- человек весьма неглупый и в настоящее время страшно богатый; несколько лет тому назад он выстроил себе роскошную виллу в Тижукe, которая обошлась ему в четыреста тысяч франков. Виллу эту он назвал виллой Моро; у меня еще будет случай сказать о ней несколько слов. Мы прекрасно пообедали. Здесь держат две кухни: французскую и бразильскую, -- мы, конечно, предпочли первую. Вина, принесенные нам к столу самим господином Моро, были превосходного качества -- очевидно, он был очень расположен к обоим моим сотрапезникам. После обеда мы отправились в Альказар, где давали в этот день Синюю Бороду, но эта милая оперетка была почему-то переключена на бразильский лад и превратилась в непристойную буффонаду, возбуждавшую во мне одно лишь отвращение.

В одиннадцать часов мы вышли из театра и отправились к Дерошу выпить по кружке пива. Конфитерия была почти пуста; кроме двух-трех посетителей, куривших сигары за кружкой пива, не было никого.

Оказалось, что один из этих меланхолических курильщиков был знаком моим новым приятелям, и они тотчас же поспешили представить меня ему. Это был генеральный консул Швейцарии, прелестнейший и умнейший человек, с которым я с первого же раза подружился.

Ночи в этих странах прекрасные, теплые, ароматные, и гулять ночью несравненно приятнее, чем днем, -- оттого-то в Рио масса гуляющих по ночам.

Я уже говорил, что Рио -- самый спокойный и безопасный город, какой только можно встретить в целом свете, и упираю на это как на выдающийся факт.

Полиция здесь прекрасно организована и хотя ее никогда нигде ни видно, но бдительность ее проявляется каждый раз, как только в ней появляется необходимость. Здесь никто не имеет при себе оружия, и если я держал револьвер, то только как воспоминание о Париже, Нью-Йорке и Лондоне, этих трех городах, в которых совершается наибольшее число ночных убийств.

Так как эти господа пожелали меня проводить, то мы совершили прекраснейшую прогулку, и только в три часа ночи я пришел домой. Мы встретили немало гуляющих, которые, как и мы, прогуливались с сигарами в зубах, наслаждаясь прелестью ночи.

Я спал прекрасно и на следующее утро встал довольно поздно, чувствуя себя совершенно бодрым и здоровым.

Позавтракав, я отправился сделать кое-какие визиты; между прочим, зашел к доктору Оссиану Бонипе, который был у меня в мое отсутствие и оставил свою карточку. Он только что прибыл из Ла-Платы и привез с собой из пампасов превосходную собаку величиной со льва и даже немного походившую на последнего окраской шерсти. Доктору не понравился Буэнос-Айрес, и он был намерен поселиться теперь в Рио.

Заходил я также к господину Тонаю, но не застал его дома.

Вечером ко мне зашли Депрэ, скульптор, о котором я уже имел случай говорить, и Жемс, недюжинный художник-француз.

В их обществе я очень приятно провел время, и часов в одиннадцать мы разошлись.

Многие из моих знакомых уговаривали меня прочесть несколько публичных лекций -- я до этого небольшой охотник, но в Париже имел случай прочесть несколько публичных лекций, которые имели успех.

В силу этого я наконец уступил настоянию моих новых приятелей и отправился в Сан-Кристобаль просить императора предоставить в мое распоряжение какую-нибудь залу.

Император принял меня с обычной любезностью и сказал, что сделает соответствующее моей просьбе распоряжение, но я заметил, что он чувствовал как бы некоторую неловкость по отношению ко мне, видимо, стеснялся чего-то.

Я вернулся в Рио, недоумевая, что бы это могло быть, как вдруг разгадка этого дела явилась как бы сама собой.

Во время моего отсутствия мне принесли письмо от одного из богатейших бразильских негоциантов, который приглашал меня зайти к себе по адресу: улица Квинтанда, дом номер сто семнадцать, чтобы получить довольно крупную сумму денег, доставленную ему на мое имя несколько дней тому назад.

Я почти никого не знал в Рио, никому не был должен, и мне никто не был должен ничего. Что могло значить это письмо?

Не зная, что придумать, я обратился к господину Лидену, моему любезному хозяину.

Лиден на минуту призадумался.

-- Уже одна подпись может служить доказательством того, что тут нет никакого розыгрыша: это негоциант старого закала, человек до того серьезный, что никто никогда не замечал на его лице улыбки.

-- Что же из этого, по-вашему, следует?

-- А то, что я на вашем месте пошел бы к нему с его письмом в руках и получил бы означенную сумму.

-- Прекрасно, но я положительно не знаю, откуда я могу получить эти деньги.

-- Если не ошибаюсь, вы сделали подарок императору?

-- Да, я привез ему фонограф.

-- Ну, так это сам император поручил передать вам эту сумму!

-- Вы шутите, конечно! Ведь я не торгаш. Я хотел порадовать императора -- и он, видимо, остался доволен моим подарком; этим я вполне вознагражден. Если только ваше предположение верно, я откажусь от этих денег -- ведь это своего рода публичное оскорбление! Я не приму этих денег, они будут жечь мне руки -- нет, ни за что! Я решил! Господин Лиден только покачал головой.

-- Что же вы думаете об этом деле? -- спросил я его.

-- Мне жаль, что вы так упорно отказываетесь принять эти деньги... Ответьте мне только на один вопрос: ведь это не Франция?

-- Конечно, нет, это Бразилия, и я прекрасно об этом знаю, но это не меняет дела!

-- Позвольте, в таком случае вы должны допускать, что нравы и обычаи в этой стране могут быть иные, чем у вас, во Франции?

-- Да, но тем не менее...

-- Надо вам сказать, что в Бразилии всегда дарят деньгами, -- продолжал Лиден, -- особенно высокопоставленные лица, как, например, император, принцы и высшее дворянство. Но из деликатности деньги не передают из рук в руки, а посылают через банкира или какого-нибудь известного негоцианта.

-- Хм, это кажется мне довольно странным!

-- Станным? -- подхватил чей-то посторонний голос за моей спиной. -- Подождите, я в двух словах объясню вам все дело!

Я обернулся: за мной стоял Сойе.

-- Сделайте одолжение! -- промолвил я, пожимая ему руку.

-- Сейчас, но выпьем прежде всего по кружке пива!

Мы присели к одному из садовых столиков, и нам подали пиво.

-- Уф! -- воскликнул Сойе, отпив залпом половину кружки. -- Теперь я весь к вашим услугам!.. Ну, предположим, что император желает сделать вам подарок...

-- Деньгами?

-- Ну да! Что же он тогда делает?

-- Хм! Он отдает, вероятно, приказание кому-нибудь из своих министров или камергеров...

-- Та, та, та! -- перебил меня Сойе. -- Нет, милый друг, у нас это так не делается; император пишет кому-нибудь из крупных негоциантов или же для большей уверенности в том, что приказание его будет исполнено, лично вручает известную сумму этому господину, который обязуется передать ее тому лицу, которому она предназначена.

-- Но сознайтесь, однако, что этот способ довольно странный!

-- Ничуть, напротив, способ самый простой и, главное, весьма логичный. Господа камергеры в тех случаях, когда им доверяют более или менее крупные суммы, ухитряются почти всегда сделать так, чтобы эта сумма уменьшилась по крайней мере на одну треть, а то и вполовину, но бывали случаи, когда то лицо, кому предназначалась сумма, никогда не узнавало о том, что оно имело получить что-либо.

-- Это, конечно, весьма печально, но что бы вы ни говорили, а я придерживаюсь того мнения, что принять эти деньги просто-таки неприлично!

Разговор незаметно перешел на другую тему, и этот вопрос был оставлен.

Господин Сойе отобедал со мной, а вечером зашел еще кое-кто, и мы провели время незаметно и весьма приятно.

Когда мы расходились, господин Лиден сказал мне самым теплым, дружеским тоном:

-- Послушайте меня: поезжайте вы завтрак этому господину и примите предназначенную для вас сумму. Не упорствуйте в вашем гордом намерении, этим вы обидите и оскорбите императора, который до сих пор был так мил и так добр по отношению к вам.

-- Я подумаю об этом, -- сказал я, -- мне очень бы не хотелось огорчить императора, он всегда был так добр ко мне.

-- Ну что? -- спросил господин Лиден, когда вышел поутру из своей комнаты.

-- Я решил последовать вашему доброму совету и тотчас после завтрака отправлюсь на улицу Квинтанда -- тем более, что сегодня суббота, а в понедельник я, как всегда, думаю ехать в Сан-Кристобаль.

-- Браво! -- воскликнул Лиден, пожимая мне руку. Улица Квинтанда -- длинная, чрезвычайно узкая, вечно загроможденная всякого рода повозками, тачками и тележками, очень грязная и зловонная. Это центр торговли кожами, сушеной рыбой, сушеным мясом и т. п. Здесь

совершаются громадные торговые обороты всякого рода товара, привозимого со всех концов света.

Остановившись перед домом номер сто семнадцать, я вошел в громадный магазин, или, вернее, склад, имевший до шестидесяти метров глубины, почти совершенно темный и до того загроможденный всякого рода товаром, что положительно некуда было ступить.

Ко мне подошел высокий господин лет сорока. Несмотря на некоторую неряшливость, внешность его была довольно симпатична. Он вежливо провел меня между ящиками и тюками различной величины и различного вида и, предложив мне стул, осведомился, чему он обязан честью видеть меня у себя.

Я достал из бумажника и подал ему письмо, полученное мной накануне.

Бросив беглый взгляд на этот клочок бумаги, он обратился ко мне.

-- Я ждал вас, -- сказал он, -- хотя посланный мной к вам человек и не застал вас, насколько мне известно.

-- Да, я вернулся очень поздно; но могу я узнать, какому счастливому обстоятельству должен приписать честь нашего знакомства?

-- Для меня это несравненно большая честь! -- ответил он, раскланиваясь. Я со своей стороны ответил ему тем же.

Надо заметить, что бразильцы -- народ чрезвычайно вежливый; это настоящая квинтэссенция вежливости.

-- Император, -- продолжал он, -- поручил мне вручить вам сумму в миллион рейсов. Конечно, рейсы -- не франки, но все же миллион остается миллионом.

-- Слава Богу, что рейсов! -- невольно воскликнул я.

-- Почему же слава Богу?

-- Потому что миллион рейсов составляет две с половиной тысячи франков, если не ошибаюсь, а такая благодарность уже весьма тяжела для меня; посудите, что же было бы со мной, бедным, если бы мне пришлось вынести благодарность в миллион! Ведь я подломился бы под такой тяжестью и наверняка умер бы на месте от апоплексии!

Несмотря на свою непоколебимую серьезность, почтенный негодант не мог удержаться на этот раз от смеха: вероятно, физиономия моя была крайне комична в этот момент.

Его смех был чем-то столь необычайным, что все служащие казались сильно встревоженными; они переглядывались между собой, искоса поглядывая на своего хозяина; очевидно, эти люди заподозрили, что их патрон вдруг лишился рассудка.

-- Ну, -- наконец сказал он, -- теперь я вижу, что меня не обманули.

-- Я вас не понимаю!

-- Видите ли, милостивый государь, я не знал вашего адреса, но мне каким-то образом стало известно, что вы прибыли в Рио на судне компании "Товарищество Грузо-вщиков".

-- А-а, теперь я понимаю, вы обратились к господину Лейбе!

-- Да, он поспешил, конечно, сообщить мне ваш адрес и при этом добавил, что вы прелестнейший собеседник, весельчак, с которым никогда не может быть скучно, и теперь я вижу, что Лейбе сказал правду.

Мы говорили с ним еще несколько минут; затем я дал ему расписку в получении денег, засунул врученную мне пачку ассигнаций в карман пальто, откланялся и, пожав уважаемому негоцианту руку, вышел из магазина.

Когда я рассказал Лидену обо всем происшедшем, тот мне сначала было не поверил, до того прочно установилось у всех убеждение, что почтенного негоцианта ничем нельзя рассмешить, что он будто бы совершенно лишен способности смеяться, как другие люди.

Вечером ко мне зашли Депрэ и Жемс, и мы отлично провели время, которое в их милом обществе летело незаметно.

В одиннадцать часов они ушли, а я закрылся в своей комнате и стал приводить в порядок свои заметки и записки.

ГЛАВА XIII. Кое-какие памятники

Когда я в понедельник в обычный час явился в Сан-Кристоваль, император встретил меня весьма любезно, осведомился о том, что я делал за это время и по-прежнему ли доволен своим пребыванием в Рио.

Я воспользовался случаем, начал благодарить императора самым сердечным образом и между прочим дал понять, что несравненно более счастлив тем, что мой подарок понравился императору, чем всеми возможными в мире вознаграждениями. При этом я добавил -- и это было вполне искренне, -- что навсегда сохраню неизгладимое воспоминание о добром и милостивом ко мне отношении его величества.

Император приветливо улыбнулся -- и этим все было сказано. Но признаюсь, мне было тяжело и неприятно: это вознаграждение деньгами за подарок казалось мне обидным и задевало мое самолюбие.

Поговорив еще несколько минут, я попросил императора назначить мне день и час, когда ему будет угодно почтить своим присутствием мою публичную лекцию, и, получив согласие, откланялся, сел в ожидавшую меня коляску и поехал обратно в Рио.

Тюрьма приходилась как раз на моем пути; я приказал своему вознице остановиться и вошел в главный подъезд исправительного дома, как в Бразилии называют все тюрьмы.

Я спросил директора и на ответ, что он у себя, попросил одного из служащих передать ему мою визитную карточку.

Не прошло и пяти минут, как ко мне вышел господин лет сорока, роста немного выше среднего, с умным, энергичным лицом; он предложил мне свои услуги самым любезным образом.

Я поблагодарил его и в сопровождении этого господина обошел всю тюрьму. Это громадное здание, похожее скорее на виллу, чем на тюрьму; со всех сторон оно окружено газонами, цветниками, деревьями, и, мне

кажется, трудно представить себе, чтобы это привлекательное жилище служило обиталищем для самых лютых бандитов Бразилии.

Даже покойницкая, куда временно выносят умерших бандитов, построена среди густых, тенистых деревьев, укрывающих это маленькое строение в своей тени. Здесь, в Бразилии, придерживаются системы полуамериканской-полуфранцузской -- системы смягченного одиночного заключения.

Внутреннее расположение тюрьмы превосходно: камеры большие, светлые, прекрасно вентилированные, устроенные на манер камер в Мазасе.

Каждая из камер сообщается с кабинетом директора электрическим звонком и телефоном.

Работы производятся сообща в большой светлой прекрасной зале поразительной чистоты и опрятности.

Полнейшее безмолвие здесь обязательно.

Главнейшие мастерские этой тюрьмы: портняжная, брошюровочная и переплетная, мозаичных работ и еще некоторые другие.

Пища достаточная и здоровая.

Все работы, выходящие из исправительного дома, очень ценятся, и на них постоянно существует большой спрос. Я полагал, что успел уже осмотреть все, когда любезный директор тюрьмы обратился ко мне:

-- Попрошу вас сюда, здесь вы увидите самых опасных, самых серьезных преступников; все это по большей части убийцы, совершившие по несколько убийств при самых отягчающих обстоятельствах, или же поджигатели, словом, самые отъявленные негодяи, на исправление которых весьма трудно рассчитывать.

Директор отомкнул дверь с тремя засовами и вошел внутрь первым. Я последовал за ним.

Прежде всего нам представился род большого сарая, а затем совершенно открытое песчаное место -- довольно большая площадка, на которой до сотни преступников в глубоком безмолвии обтачивали камень, высекали плиты и т. п. под надзором двух сторожей, не имевших при себе на виду никакого оружия.

Когда кто-либо из заключенных совершал преступление против правил тюремного порядка, его лишали работы, и он оставался один в своей камере, не видя решительно никого в продолжение недели, а иногда и двух.

Директор уверил меня, что все ужасно боятся этого наказания, и оно вполне достаточно, чтобы удержать заключенных в порядке и повиновении.

Видно было, что господин директор отлично понимает свое дело, и император вполне ему доверяет.

Обойдя со мной тюрьму, директор пригласил меня к себе на квартиру, где нам подали прохладительные напитки; пробыв у него с четверть часа, я распрощался и уехал домой.

На другой день я отправился в Ботафаго. Самая деревушка весьма непривлекательна, домики по большей части отличаются архитектурой в китайском вкусе, то есть совершенно нелепой, но вид на залив превосходен, и я, пожалуй, понимаю пристрастие жителей Рио к этой деревеньке. Воздух прекрасный; здесь с особенным наслаждением можно вдыхать под вечер живительный морской ветерок.

Я посетил также дом умалишенных -- здание очень обширное, красивое и превосходно устроенное. Лечение проводится по системе докторов Пинсла и Эскироса.

Отдельные камеры, как и общие, чрезвычайно удобны и прекрасно обставлены, везде царят образцовый порядок и чистота. Существуют две отдельные половины -- мужская и женская. Здесь также есть мастерские, где изготовляют прекраснейшие вещи, чрезвычайно изящные.

Я присутствовал при обеде женщин, а затем и мужчин; столовые прекрасные, большие и светлые.

Обед проходит в совершенном молчании. За больными присматривают и ухаживают монахини.

Я разговаривал в продолжение двадцати минут с одним очень буйным помешанным, который, однако, говорил разумно и, казалось, был человеком с большими знаниями.

Затем я увидел там француза священника, очень буйного; он весь увесился четками и угрюмо молчал; говорят, что фанатизм довел его до умопомешательства.

Выше было упомянуто о монахинях-сиделках; они француженки и сумели стать ненавистными для всех вследствие узости своих взглядов, своего властного характера и глупого фанатизма.

Говорят, что лечение шло бы несравненно успешнее, если бы эти женщины не вмешивались безо всякой надобности во все распоряжения врачей.

Говорю только то, что слышал, сам же я не мог в продолжение каких-нибудь двух часов времени составить сколько-нибудь определенного суждения об этом вопросе и даже весьма мало ознакомился с администрацией больницы.

Но я заметил нечто такое, что возмутило меня до глубины души: эти монахини позволяли себе без зазрения совести продавать в свою пользу работы больных, вместо того чтобы отдавать эти деньги родственникам несчастных. Мало того, что они продают эти работы за очень высокую цену в магазины города Рио, но еще, кроме того, устраивают в самой больнице постоянную выставку этих художественных произведений, прельщая ими посетителей и почти навязывая им эти вещи за непомерно высокую цену. Это положительно отвратительно, и я уверен, что если бы правительство знало об этом, оно наверняка запретило бы этот торг.

Выйдя из больницы умалишенных, я направился в институт глухонемых; он находился как раз на моем пути в самом Ботафаго. Мне пришлось пройти всего несколько шагов.

Это столь полезное учреждение прекрасно содержится, но, к сожалению, здесь придерживаются немецкой системы: представлять предварительно глазам больного тот предмет, название которого его хотят заставить заучить. Это имеет то неудобство, что немые могут знакомиться исключительно с теми предметами, которые можно продемонстрировать им наглядно, тогда как все остальное остается для них мертвой буквой. К сожалению, этот институт имеет весьма мало питомцев. Несмотря на все усилия и старания бразильского правительства, бразильцы весьма неохотно отдают сюда своих глухонемых детей, поскольку предубеждены против этого столь полезного учреждения глупыми толкованиями и наущениями своего духовенства и монахов.

Это тем более жаль, что директор училища -- человек чрезвычайно образованный и настоящий филантроп, всей душой преданный своей трудной задаче.

Лекцию свою я читал в одной из зал народной школы. Я не знал, что в Рио публичные лекции всегда бывают бесплатными, и поступил так, как это делается в Париже. Кроме того, я был ужасно не в ударе: вот уже два дня, как я был совершенно болен, а кроме того, в том же самом помещении и одновременно со мной читалась кем-то еще одна публичная лекция, бесплатная.

Публика собиралась медленно, но все же ряды понемногу заполнялись. Ровно в шесть часов прибыл император с императрицей и со своей свитой. Благодаря его присутствию аплодисментов быть не могло. Чтение прошло холодно, безжизненно; впечатление, вынесенное мной, было крайне неприятным и тяжелым. Мало того, в известный момент мне сделалось так худо, что я вынужден был прервать лекцию, а оправившись, скомкал ее кое-как -- и на этом дело закончилось.

Несколько дней спустя мой добрый приятель господин Делор вручил мне несколько сотен франков -- это был чистый сбор от моей лекции за покрытием всех необходимых расходов.

Я поблагодарил его, но это была моя последняя публичная лекция в Рио.

Спустя несколько дней я принял участие в прекрасной, фантастической прогулке, если можно так выразиться. Мы ездили на Тижуку.

Нас было всего человек двенадцать, в том числе господин Виктор, редактор "*Gazetta de Noticias*", господин Делор, редактор "Бразильского курьера", господин Гумберт и еще человек пять молодых бразильцев, весьма милых, любезных и прекрасно воспитанных молодых людей.

Тижука -- очень высокая гора, с успехом заменяющая жителям Рио Булонский лес Парижа.

Сначала мы сели в трамвай, который подвез нас к самому подножию этой горы; здесь нас ожидали коляски, запряженные четверкой прекрасных мулов. Разместившись в экипажах, мы галопом помчались в гору. Эти животные, точно крылатые, мчат во весь опор, несмотря на очень крутой подъем; впрочем, дорога здесь прекрасная, отлично содержащаяся, широкая и ярко освещенная газовыми рожками с правой и

с левой стороны. По пути вам нередко попадаются маленькие деревушки; кое-где виднеются запрятанные в чаще леса виллы; все это крайне живописно и прелестно -- тем более, что по обе стороны дороги лес остался совершенно девственным, никто не прилизывал, не подстригал и не уродовал его на свой лад, его оставили таким, каким он вышел из-под рук Создателя, расчистив немного вправо и влево, чтобы дать дорогу проезжающим.

На одном из поворотов наши экипажи вдруг неожиданно остановились.

-- Взгляните! -- обратился ко мне Делор.

Я обернулся; передо мной расстился во всей красе залив Рио. Вид был поистине феерический, нигде я не встречал более прекрасного пейзажа.

Мы двинулись дальше все тем же аллюром. Минут двадцать спустя экипажи опять остановились.

-- Ну, теперь вылезайте, -- сказал доктор Курти.

-- Зачем? Мне так удобно в коляске!

-- Да, может быть, я вам охотно верю, но остальную часть пути нам придется проделать пешком!

-- Эх, черт возьми! -- воскликнул я. -- Зачем нам непременно идти пешком?

-- Дорога становится слишком узкой для экипажа.

-- Но куда же мы, собственно, едем?

-- Мы едем завтракать, друг мой! -- сказал мне господин Виктор.

-- Так бы мне сразу и сказали! -- ответил я, смеясь и вылезая из экипажа, после чего все мы двинулись в путь по узкой лесной тропинке, извилистой и темной, как настоящая тропа индейцев.

Вдруг господин Виктор громко вскрикнул, и я увидел в двух шагах от него превосходнейшую змею, длиной приблизительно в два метра, совершенно безобидной, впрочем, породы.

Прекрасное пресмыкающееся грациозно переползало дорогу.

Сколько я ни кричал Виктору: "Оставьте это бедное животное, оно совершенно безвредно", -- сколько ни уговаривал его, он не внимал мне и всячески старался изловчиться убить змею, что ему в конце концов удалось.

Он явился к нам, хвастая результатами своей охоты, но я вместо ответа достал из бумажника свою членскую карточку общества покровительства животным и объявил, что составляю на него протокол за убийство совершенно безвредного животного и приговариваю его к уплате штрафа в виде трех бутылок шампанского.

-- Право, это жестоко: из-за какой-то зеленой змеи!

-- Будь она хоть белая, это безразлично! -- строго ответил я.

Все расхохотались.

-- Ну вот мы и на месте! -- сказал кто-то. Действительно, мы пришли наконец на виллу Моро. Сам владелец вышел на крыльцо встретить нас.

Эта вилла была поистине царским жилищем: повсюду царили блеск, роскошь и богатство. Мы тотчас же сели за стол, потому что завтрак был уже готов и ожидал нас. Здесь кухня совсем иная, нежели в городе, на

улице Овидор; все блюда тонкие, изысканные, превосходно приготовленные; вина дорогие, только самые лучшие.

Завтрак прошел чрезвычайно весело. Господин Виктор уплатил свой штраф с видимым удовольствием.

После кофе господин Моро показал нам все свои владения. Земля, принадлежащая его вилле, так велика, что иначе ее назвать нельзя -- это целое поместье.

Простившись с господином Моро, мы отправились обедать к Бокажу.

Этот Бокаж, человек чрезвычайно богатый, так же, как и Моро, содержатель крупного ресторана. Кроме того, он сдавал комнаты и квартирки людям, боящимся желтой лихорадки, преимущественно проезжим; эта страшная язва еще ни разу не появлялась в Тижукке.

Обед ничем не уступал завтраку по качеству блюд и вин, и все присутствующие были в прекрасном расположении духа, все были весело настроены; кроме того, эта прогулка на Тижукку -- действительно нечто бесподобное, нечто такое, чему едва можно поверить, так это феерично и прекрасно. Это место прогулок заканчивается настоящим девственным лесом, которым здесь имели гениальную и вместе с тем практическую мысль воспользоваться в качестве образцового питомника различных древесных пород, и для этого не понадобилось ни больших затрат, ни большой хитрости; все деревья остались на своих местах, только на них навесили соответствующие этикетки.

Владельцы ресторанов Тижукки прекрасно кормят своих посетителей и ухаживают за ними на славу, но в момент, когда настал час расплаты за угощение и услуги, всем сделалось не по себе.

За завтрак и обед, не считая экипажей, нам пришлось уплатить семьсот франков!

Это прекрасно, но чересчур уж пересолено! Все мы были того же мнения.

Когда мы наконец решили возвратиться в Рио, было уже совсем темно.

Доктор Курти и господин Гумберт предпочли возвратиться верхом; им подвели полудиких степных коней, и они вскочили на них. Но похвастаться им не пришлось: оба они, и в особенности доктор Курти, спешили несколько раз и притом гораздо быстрее, чем сами того желали бы.

Спуск с Тижукки, особенно в ночное время, когда вся дорога ярко освещена двойным рядом газовых фонарей, просто прелестен!

Наши экипажи подвезли нас к началу линии трамваев, в один из которых мы тотчас же переместились из колясок, желая, чтобы он как можно быстрее довез нас домой.

Мы прекрасно провели весь этот день, и в одиннадцать часов я вернулся к себе -- правда, усталый, но очень довольный проведенным днем.

ГЛАВА XIV. Посещение больницы Милосердия

Шскоре я посетил больницу Милосердия. В Бразилии все больницы и госпитали носят это название. Эта больница Милосердия -- главный госпиталь в Рио. Не знаю, существует ли еще где-либо в мире другой, подобный прекрасный госпиталь. Не говоря уже о его размерах и безупречной чистоте, этот госпиталь содержится так, что может считаться образцовым.

Госпиталь этот еще не окончен, и вряд ли его скоро окончат, потому что едва успеют выстроить и закончить один флигель, как начинают строить другой, и так продолжается все время.

Впрочем, в этом отношении бразильское правительство заслуживает только одобрение за свою просвещенную филантропию.

Госпиталь построен на берегу моря и потому прекрасно вентилирован, что чрезвычайно важно.

Чистота в нем чрезвычайная, доведенная, как мне кажется, до крайних пределов.

В этом здании находится около сорока коридоров длиной до двухсот метров. В тот момент, когда я посетил больницу, в ней находилось на излечении тысяча четыреста человек, но здесь могло бы поместиться вдвое большее число больных, и при этом госпиталь не был бы переполнен.

Я желал осмотреть все подробно, потому что это поистине грандиозное учреждение заслуживало полного внимания и, как мне кажется, было единственным в своем роде.

Я три раза обходил госпиталь Милосердия и тем не менее убежден, что многое еще осталось мне неизвестно.

Бельевое отделение, аптека, залы, общие и отдельные комнаты, часовня, домовая церковь, кухни, клиника, различные ванны, зала совета, словом, все, все решительно грандиозно и великолепно.

Лучшие врачи Рио считают за честь лечить в этом госпитале, где за больными ведется самый образцовый уход.

Единственная тень и в этом учреждении -- это монахини-сиделки, которые позволяют себе тиранить не только больных своими верованиями и религиозными убеждениями, но и всех служащих, даже врачей, наставлениями и указаниями которых они часто позволяют себе пренебрегать, делая все по-своему, как бы назло.

Мне говорили о них люди, достойные всякого уважения, -- выдающиеся врачи, крупные негодянты, депутаты, словом, люди, которым нет интереса враждовать с этими женщинами, которые, по их словам, стараются вредить всякому доброму делу. Из-за этого они возбуждают всеобщую ненависть во всех классах бразильского общества.

Я должен признаться, что эти святые женщины принимали меня с вежливостью, в которой чувствовалось столько же меду, сколько и уксуса; вероятно, они угадали во мне вольнодумца, свободно мыслящего человека, и потому я убежден, что, будь это в их власти, они с радостью вышвырнули бы меня за дверь.

Расскажу об одной характерной черте этих милых женщин, которую мне случилось уловить.

В приемной, где уважаемая настоятельница принимает своих посетителей, висят две лубочные картинки, бьющие в глаза своей грубой мазней, своими нелепыми красками. Над ними значатся надписи такого рода: "Смерть грешника", а над другой -- "Смерть праведника".

На первой из них несчастный грешник корчится, как будто его мучают колики. Из-под его кровати выглядывают черти со страшными рожами, а добрый ангел, в образе прекрасной дамы, закрыл лицо руками; по другую сторону изголовья злой демон нашептывает умирающему дурные советы, подмигивая в то же время сатане, который хохочет, держась за бока, при виде этой проклятой души, которую он сейчас подденет на свои длинные вилы.

Другая картина изображает праведника с глуповатой рожей. Быть может, художник умышленно изобразил его таким -- впрочем, это не наше дело. Комната, понятно, переполнена монахами и монахинями, священниками и разными духовными лицами. Добрый ангел умирающего ликует, между тем как злой дух убегает, преследуемый пинками. Умирающий возвел очи к верхушке своего полога, а сквозь стену толпа праведников, сподобившихся вечного блаженства, неистово трубят в трубы в нетерпеливом ожидании этой праведной души, желая, вероятно, ускорить ее агонию своею музыкой.

Ну, не возмутительно ли это? Не сделали бы лучше эти монахини, если б удовлетворялись просто облегчением страданий больных, порученных их уходу, без всех этих причитаний и поучений?!

Мне пришлось быть свидетелем очень странного празднества, в котором с одинаковым рвением принимают участие португальцы, бразильцы, чернокожие и метисы.

Это праздник Пресвятой Богородицы де-ла-Пенья, или *Fraquezia Irajá*. Это великий праздник, величайший из всех празднуемых в Бразилии, а одному Господу известно, какое множество праздников подобного рода празднуется в этой стране.

Торжественное празднество это происходит в трех милях от Рио.

Нет надобности говорить, что во всех религиозных празднествах и торжествах денежный вопрос играет самую главную, самую важную роль для духовенства, и в особенности для монахов.

Во все время празднования и чествования святыни монахи прекрасно обдeldывают свои делишки: серебро и золото целыми потоками текут в их ларцы.

Лестница в триста семьдесят ступеней ведет вверх в гору к часовне, а немного выше расположены монастырь и церковь.

Богомольцы поднимаются по этой лестнице на коленях и также на коленях обходят вокруг часовни и вещают о своих обетах, не говоря уже о тех подарках, которые они делают монастырю.

Но что особенно поразительно и чего я до сих пор никогда не видел в своей жизни, так это то, что все подарки, делаемые богомольцами монастырю и церкви, тут же продаются с аукциона священниками и монахами тем же лицам, которые принесли их в дар.

И все эти празднества переходят под конец в дикую оргию. Возвращение богомольцев, пьяных до самозабвения, похоже скорее на последний день карнавала, чем на возвращение паломников. Одни возвращаются в колясках, другие мчатся верхом во весь опор, как бешеные, давя злополучных пешеходов. Все разукрашены значками, и крестами, и кокардами, и розетками, прикрепленными к тульям шляп, с трещотками и хлопушками; все пускают ракеты и петарды, невзирая на то, куда они падают.

В этот день богомольцы, большинство которых состоит главным образом из португальских рабочих и негров, могут делать все, что им вздумается, их ни в чем не стесняют.

Счастье, что эти люди по природе своей добродушные и честные, так что большой беды от этого не происходит. В часовне, в которой совершается паломничество, изображена под сводом купола громадная ящерица. Бразильцы и португальцы очень любят этих животных, потому что, как уверяют, ящерицы приносят счастье.

Выслушайте эту легенду.

Однажды -- это было очень давно -- один крестьянин обрабатывал свое поле и вдруг почувствовал, что его укусила в ногу громадная ящерица. -- Я рассказываю все это точно так, как слышал сам. -- Крестьянин отлично знал, что ящерицы не ядовиты, и потому не обратил внимания на этот укус. Ящерица снова укусила его в ногу, но он и на этот раз не обратил на нее внимания. Тогда ящерица укусила его в третий раз, а так как крестьянин не был скотиной, -- так говорит легенда, -- то заподозрил, что, быть может, эти три укуса громадной ящерицы что-нибудь да значат такое, чего он не знает.

Он поднял глаза и взглянул на громадную ящерицу, а та сказала ему нежным голосом:

-- Посмотри!

В тот же момент громадная ящерица исчезла, а вместо нее недоумевающий крестьянин увидел прекрасную женщину, которая в свою очередь сказала ему таким же нежным голосом, как и в первый раз, когда она была еще в образе громадной ящерицы:

-- Я -- пресвятая Богородица. Я и здесь, и во Франции, в Бретани.

Крестьянин не стал долго рассуждать; он повалился на брюхо, а затем, когда немного очнулся от своего потрясения, вскочил на ноги и побежал рассказать о случившемся какому-то монаху, который тотчас же стал трубить о чуде.

На том самом месте, где явилась громадная ящерица, построили часовню, и слава этой часовни достигла вскоре громадных размеров.

Из всего этого я понял только то, что Богородица объявила, что она обитает в Бретани, то есть во Франции, что мне крайне приятно. Такова

легенда о Богородице де-ла-Пенья; я записал ее под диктовку рассказчика, для того чтобы меня не обвинили в том, что я ее выдумал.

Такого рода вымысел мог родиться только в мозгу монаха или священника.

Эта легенда положительно идиотская, она доказывает только глубину человеческой глупости.

Император просил меня прочесть вторую публичную лекцию, я попробовал было уклониться, но он стал настаивать, и мне пришлось преклониться перед его волей.

Тем временем мой прекраснейший приятель доктор Бриссей, видя, что все последнее время я чувствую себя дурно, хотя и выхожу из дому, объявил мне, что климат Рио вреден для моего здоровья, и советовал уехать как можно скорее.

К несчастью, обстоятельства сложились так, что мне пришлось остаться еще дней на десять. Я прочел свою вторую лекцию в школе Глория.

На этот раз было очень много публики, вход был бесплатный.

Вскоре после того французская колония в Рио устроила большой праздник с благотворительной целью, а именно: в пользу сооружаемого в Рио французского госпиталя. Программа празднеств была заманчивая: предполагался большой концерт и затем благотворительный базар, на котором французские дамы, вообще чрезвычайно красивые здесь, в Рио, должны были выступить в роли интересных продавщиц.

Праздник этот должен был состояться в казино Флуминен.

Это казино находится как раз напротив городского сада.

Председатель и совет французского благотворительного общества очень желали присутствия императора и императрицы, но боялись, как бы государь не отказал. Впрочем, они жестоко ошибались: император был так добр и так милостив, что, конечно, не захотел бы отказать, тем более, что очень расположен к французам.

Я сказал все это этим господам и посоветовал им отправиться в Сан-Кристобаль, а они стали настаивать, чтобы я со своей стороны сказал об этом его величеству. Я согласился.

За ночь я написал романс, который посвятил императрице, а на другое утро поехал в Сан-Кристобаль. Вручив императору романс, я между прочим рассказал ему о празднестве, которое готовится французской колонией, при этом добавив, что был бы счастлив, если бы мой романс был пропет в присутствии их императорских величеств, и что председатель и члены совета французского благотворительного общества, несмотря на страстное желание всей колонии видеть императора и императрицу на их празднестве, не осмеливаются явиться в Сан-Кристобаль, боясь получить отказ.

Как я и ожидал, император улыбнулся.

-- Я буду очень рад присутствовать на празднике колонии, но только надо, чтобы эти господа сами пригласили меня! -- сказал он.

Я горячо поблагодарил императора за его милостивое согласие и тотчас же вернулся в Рио, где меня с нетерпением ожидали представители

французской колонии. Я рассказал им все как было, и они тотчас же, не теряя ни минуты, отправились в Сан-Кристобаль, а несколько часов спустя вернулись оттуда, очарованные ласковым и милым приемом императора.

Неделю спустя состоялся праздник. Депутация, состоявшая из двадцати человек, избранных колонией для встречи императора, ожидала его на лестнице.

Вслед за государем прибыли императрица и весь двор.

Военный оркестр встретил императора "Марсельезой", которая была прекрасно исполнена.

Председатель благотворительного общества встретил императора несколькими прочувствованными словами приветствия и затем проводил вместе со всеми депутатами колонии до его места.

Подле императорского места была поставлена статуя, окутанная флером, так что трудно было понять, что именно она изображает. Программа концерта была весьма интересная; всем много аплодировали -- публики было очень много.

По окончании концерта императору поднесли бронзовую статую, представляющую собой аллегорическое изображение закона от двадцать восьмого сентября 1871 года, (то есть закона об уничтожении рабства).

Фигура представляла собой молодого негра, изображенного во весь рост: голова его была действительно прекрасна, физиономия, чрезвычайно живая, выразительная, выполнена весьма удачно, но корпус менее удачен, хотя в общем статую все-таки можно назвать хорошей.

Говорят, что это была статуя работы одной молодой женщины-француженки, усыновленной графом Рио Бранкром, человеком великого ума и сердца.

После поднесения статуи, встреченного императорской четой весьма благосклонно и сердечно, император и императрица обошли все киоски благотворительного базара, где сделали много покупок, после чего удалились, довольные и улыбающиеся.

Праздник продолжался до пяти утра. Между бразильцами и французами царило самое трогательное единодушие и согласие; все старались из всех сил содействовать добру начинанию.

Посвященный мною императрице романс распродавался в громадном количестве, несмотря на то, что, в сущности, был довольно посредственным. Он дал благотворительному обществу сбор в пятьсот семьдесят восемь тысяч рейсов, что составляет приблизительно одну тысячу двести франков на французские деньги.

По одному этому уже можно судить, какой сбор дали лотереи и самый базар.

ГЛАВА XV. Празднества

Праздник французской колонии омрачило одно крайне неприятное происшествие, которое, однако, благодаря распорядительности комитета

почти совершенно ускользнуло от внимания приглашенных. Эта скверная шутка была заранее подготовлена и умышленно приведена в исполнение одним из главнейших официальных лиц французской колонии.

Один из числа членов французского благотворительного общества, которому председателем было поручено рассылать приглашения, позволил себе адресовать одной знатной особе письмо -- хотя и вполне вежливое, но носившее официальный характер и ничем не отличавшееся от пригласительных писем, разосланных другим лицам. Но важная персона, считавшая себя несравненно выше других смертных, пришла при получении этого письма в неописуемую ярость.

Как! К нему смели обращаться, как к первому встречному, точно он кто-то, а не высокая персона! Его ставили на одну доску с обычным пролетарием!

И он поклялся жестоко отомстить за нанесенное ему оскорбление.

Прежде всего он отослал обратно присланное ему приглашение и объявил, что не удостоит своим присутствием праздника.

Председатель благотворительного общества, старый капитан дальнего плавания, многое повидавший на своем веку, только пожал плечами и перестал даже думать об этом, не придав этому инциденту никакого значения.

Но он не подумал о том, с кем имеет дело.

Тем временем этот господин, назовем его господин Х., обдумывал в тиши своего кабинета адский план мести.

На это потребовалось немало времени, потому что человек он был неизобретательный. Но Виктор Гюго сказал где-то, что под влиянием озлобления даже дурак раз в своей жизни может быть умен.

Господин Х. блистательно подтвердил эти слова великого поэта и писателя; он вдруг вообразил, что выдумал чрезвычайно умную штуку, и от радости принялся тереть руки с такой силой и усердием, что чуть не содрал с них кожу, а затем, как говорится, стал выжидать минуту мщения.

Вот что он изобрел: купив из третьих рук билет для входа на благотворительный праздник, он призвал своего повара, негра самой чистой породы, вырядил его во все свое старое платье, давно забытое где-то на дальней вешалке, и, вручив ему входной билет, приказал негру отправиться на благотворительный праздник и веселиться как можно больше -- да к тому же так, чтоб это было всем заметно.

Негр попытался было робко протестовать, но грозный Юпитер нахмурил брови -- и бедный слуга, покорно опустив голову, покорился его воле.

Однако тайна господина Х. стала известна раньше времени председателю и некоторым из членов совета благотворительного общества. И стала известна по его собственной вине.

Удивленный тем, что вдруг стал так умен, господин Х. не мог устоять перед искушением рассказать о том своим друзьям и знакомым: оно и не мудрено, ведь с непривычки это удивительно и забавно!

И вот из-за этой-то похвальбы он сам и провалил все дело.

Узнавшие об этой злобной шутке господина Х. члены благотворительного общества поджидали негра. Когда тот явился, сияющий и разряженный, с улыбкой во весь рот, его вдруг подхватили под руки, заперли в дальней комнате и подвергли допросу.

Тот во всем признался. Никто не хотел причинить ему никакого зла, а потому, сняв с него показания, его отпустили с миром домой, незаметно выпроводив черным ходом за дверь.

Все это было сделано так ловко и так проворно, что, за исключением нескольких лиц, никто не узнал об этой постыдной истории.

Чтобы понять всю силу оскорбления, нанесенного этим появлением негра на празднике колонии не только французской колонии, но и присутствующему на празднестве императору, его августейшей супруге и всему двору, надо знать и

помнить, что Бразилия -- страна, где еще существует рабство со всеми его предрассудками, где чернокожий ставится ниже всякого животного. Поэтому ввести негра в общество белых есть величайшее оскорбление, какое только можно себе представить по местным понятиям.

Несколько дней спустя я поехал в Сан-Кристобаль проститься с императором, который принял меня со своей обычной приветливостью и пытался было удержать еще на некоторое время в Рио. Видя, однако, что я все же намерен покинуть его столицу, он выразил сожаление по случаю моего отъезда; мы сердечно простились после того, как император дружески пожал мне руку и пожелал счастливого пути.

День моего отъезда из Рио был уже близок. Я захотел воспользоваться этими последними днями, чтобы осмотреть знаменитый магазин *Notre -- Dame -- de -- Paris*. Это громаднейший торговый дом, не уступающий своими размерами, богатством и роскошью парижскому Лувру и Бон Марше; скажу одно, что главная входная дверь -- двухстворчатая, зеркальная, и каждая отдельная половина представляет собой цельные стекла в пять футов высотой. Не буду говорить о дорогих картинах, прекрасных скульптурах и богатых коврах. Скажу только, что все купленное там -- прекрасно и не дорого.

Вообще впечатление, произведенное на меня Бразилией, прекрасно. Большинство французских путешественников были несправедливы к этой прекрасной стране, которая неоспоримо идет впереди всех других стран Южной Америки по пути прогресса.

Однажды поутру, часов около десяти, ко мне пришли мои добрые друзья Делор и Виктор, редакторы "Бразильского курьера" и "*Gazetta de Noticias*".

-- Какими судьбами? Вы, конечно, позавтракаете со мной? -- спросил я у них.

-- Нет, милый друг, -- ответили они. -- Мы к вам официально.

-- Хм! Что это значит?

-- Это значит, что я прошу вас обедать у меня, -- важно произнес господин Делор.

-- Но почему же так торжественно?

-- А потому, что у меня будет кое-кто из наших общих друзей-журналистов, и потому мне особенно важно, чтобы вы не отказали отобедать с нами.

Мы проговорили еще с четверть часа и затем расстались, причем я еще раз обещал им, что непременно буду в понедельник к шести часам у Делора.

Когда я вошел, все остальные приглашенные были уже в полном сборе. Стол был накрыт на двадцать пять приборов. Такое сборище крайне удивило меня; я полагал, что нас будет человек пять-шесть, не более, и вдруг все представители прессы собрались здесь, чтобы еще раз доказать мне свое расположение и проститься со мной.

Обед был превосходный, вина отличные; разговор за столом, веселый и оживленный, не смолкал ни на минуту.

За десертом было выпито очень много вина и провозглашено очень много тостов.

После кофе все перешли в другую комнату, служившую курительной, но я остался с несколькими друзьями в столовой. Вскоре туда пришел Делор и сказал мне, что и остальные мои друзья желали бы видеть меня в своем кругу. Я понял свою ошибку и тотчас же поспешил в курительную комнату, где застал еще несколько вновь прибывших публицистов и журналистов, которые по разным причинам не могли присутствовать на обеде, но желали со мной проститься.

Было около одиннадцати часов, я чувствовал себя весьма усталым, но никто, казалось, и не думал расходиться, а мне, как виновнику всего этого торжества, конечно, нельзя было удалиться раньше других.

Принесли пунш, разлили по стаканам, все пили и чокались, как это делают во Франции.

Вдруг, в тот момент, когда никто этого не ожидал, доктор Курти и Делор потребовали молчания.

Все смолкли. Доктор Курти быстро сдернул салфетку, лежавшую на столе, вокруг которого все мы группировались со стаканами в руках, раздалось громкое "ура!" -- и я увидел нечто такое, чего вовсе не ожидал. Радостное восклицание вырвалось у меня из груди; я выронил свою папиросу, увидев на столе прелестный альбом, на крышке которого золотыми буквами была сделана надпись:

Гюставу Эмару от его друзей в Рио

Затем стояли год и число.

Я -- не чувствительного десятка, и меня не так-то легко растрогать, но на этот раз я до того расчувствовался, что слеза затуманила мне глаза и я испытал то хорошее чувство, которое долго не забывается.

Я принялся горячо благодарить, запинаясь на каждом слове, даже не помню и не знаю, в каких словах я это сделал и что, собственно, сказал.

Меня радовал не только подарок -- хотя он сам по себе был прекрасен, -- а трогало внимание ко мне моих друзей. Альбом этот представлял собой собрание видов Рио, прекрасно снятых искусным фотографом.

Лучшего подарка они не могли бы мне сделать.

В конце альбома было оставлено несколько белых листов, для того чтобы на них можно было написать несколько слов на память, что и было сделано между тостами и чоканьем поочередно всеми присутствующими.

Около двух часов ночи мы стали расходиться. У меня было тяжело на душе, когда пришлось прощаться с этими милыми людьми, которые так сердечно относились ко мне с самого первого момента моего пребывания в Рио.

Одиннадцатого числа, как о том и было заявлено заранее, "Нигер" -- превосходнейший пароход французской компании -- прибыл рано поутру и встал на якорь вблизи угольных складов.

"Нигер" должен был покинуть Рио двенадцатого числа, но почему-то всем нам, пассажирам, было заявлено, что он уйдет только тринадцатого вечером. Я был даже отчасти рад этой отсрочке и воспользовался этим лишним днем для того, чтобы обойти всех моих друзей и знакомых и еще раз проститься со всеми.

Вернувшись домой уже под вечер, я стал укладывать свои вещи, как вдруг, часов в девять, ко мне в комнату вошел старший сын Лидена и просил меня сойти вниз, потому что меня там ожидали, как он сказал, некоторые из моих друзей, желавшие со мной проститься. Я последовал за ним; вещи мои были почти уложены, и у меня оставалось еще много времени, чтобы закончить остальное.

ГЛАВА XVI. Отъезд из Рио

Большая зала господина Лидена была положительно битком набита; повсюду я видел приветливые улыбающиеся лица моих друзей. Сегодня их собралось еще больше, чем вчера; были и дамы. Господин Лиден положительно сиял от радости и удовольствия.

Это он созвал сюда всех моих и своих друзей на римский пунш.

-- Я имею сказать вам нечто, -- обратился он ко мне. -- Теперь всему городу уже известно, что вчера после обеда ваши и мои друзья расписались в вашем альбоме. Они предложили и мне сделать то же, что сделали вчера гости господина Делор.

-- Но зачем же весь этот фестиваль? Ваше пиво так превосходно, что нет никакой надобности в римском пунше!

-- Одно другому не мешает; сейчас мы выпьем пиво, а часов в одиннадцать будем распивать пунш, который я лично собираюсь приготовить.

Принесли альбом и положили его на стол.

Первым подошел Лиден и вписал в него несколько задумчивых строк. Затем и все остальные, не присутствовавшие на вчерашнем обеде, сделали то же.

Народу было так много, что даже в громадной зале господина Лидена стало тесно и душно; счастье еще, что можно было выйти в сад, где царили прохлада и покой.

Часов в десять пришел Жемс, этот талантливый молодой художник, о котором я уже не раз упоминал, и принес мне на память маленький пустячок, эскиз, не более того, но это в полном смысле слова был шедевр. Я чрезвычайно обрадовался этому милому подарку.

Мы разошлись очень поздно ночью; никто из нас не был пьян, но всем было весело, и все нам виделось в розовом свете.

В заключение скажу еще несколько слов о некоторых особенностях Рио.

Так, например, в старых кварталах города домовладельцы строили свои дома как попало, нисколько не соображаясь с' планом улицы. Дома то выдвигались вперед, то вдавались вглубь, то были обращены фасадом к улице, то боком, то спиной, и каждый отличался особым, своеобразным типом; преобладающим являлся китайский тип построек.

Кроме того, на старых улицах Рио вывески не приколоты к стенам домов, а висят на проволоках или жердях, перекинутых с одной стороны улицы на другую. Этот средневековый способ весьма живописен, но при сильных порывах ветра крайне опасен: вы все время должны опасаться, что вам на голову свалится вывеска весом в сотню фунтов [*Фунт -- английская мера веса, равная примерно 454 г.*].

Улицы Рио, даже и в новых кварталах, лишены воздуха, что порождает всякого рода эпидемии и болезни -- тем более, что почва здесь болотистая; горю этому пособить не трудно, стоит только скрыть гору, занимающую середину одного из красивейших кварталов города, что и предлагали сделать искусные английские инженеры.

Правительство лучше, чем кто-либо, понимает всю необходимость этого дела, имеющего такое громадное значение для оздоровления города, но -- духовенство, всесильное в Бразилии, не желает допустить этого и накладывает свое вето исключительно, кажется, для того, чтобы заставить уважать свою власть.

Дело в том, что на вершине этой горы построен монастырь; в этом монастыре живут три монаха. И вот, приходится ждать смерти этих трех засаленных монахов, чтобы получить возможность сделать что-либо для оздоровления города. Пусть население мрет, пусть свирепствуют самые ужасные болезни -- все это ничто, лишь бы только не потревожить тех трех жирных монахов, а одному Богу известно, как долговечны все эти монахи!

Бразильцы в большинстве своем люди умные, развитые и образованные, но они настолько ленивы и небрежны в своих делах, что вся торговля сосредоточивается главным образом в руках португальцев.

Португальцы ничем не брезгают и берутся за всякое ремесло, лишь бы только оно было доходным.

Все они по большей части пьяницы, обжоры, страшные хвастуны, злые и мстительные люди, не способные ни на какое доброе чувство; при этом они отъявленные воры.

Понятно, что есть среди них и исключения, также среди них встречаются и весьма почтенные люди, но, к сожалению, они очень редки.

В Бразилии я заметил одно явление, которого не замечал нигде в Америке: здесь образовался, благодаря скрещиванию различных рас, настоящий бразильский народ. Это истинные сыны Бразилии, -- и теперь у бразильцев действительно есть родина!

Почти во всех странах существует свой особый способ звать прислугу, извозчиков, останавливать конки и тому подобное; здесь, в Бразилии, способ этот чрезвычайно своеобразный и, очевидно, заимствован у индейцев, некогда очень многочисленных в Бразилии: это -- слабый свист, напоминающий свист змеи и переходящий в нечто похожее на чих. Звук этот, весьма слабый, вместе с тем слышен на очень дальнем расстоянии и притом не имеет в себе ничего резкого и неприятного.

Бразильская кухня отвратительна; под тем предлогом, что они люди будто бы очень воздержанные, бразильцы едят всякую гадость. Все это черное, темное, неопрятное и неудобоваримое.

И флора, и фауна Бразилии чрезвычайно богаты -- упомяну здесь только о крошечной стрекозе, производящей своими крыльями такой шум -- или, вернее, свист, -- что в первый раз я принял этот шум за свист железнодорожного паровоза. Вообще вредоносных насекомых, уничтожающих все что ни попадя, здесь целые мириады. От них не знаешь, как избавиться; часто даже сундуки, обитые со всех сторон белой жестью, не спасают белья и одежды от уничтожения. Диких зверей в Бразилии давно уже нет нигде, кроме разве только глубины девственных лесов...

Провинции Бразилии я посетил лишь несколько месяцев спустя.

Из Рио я отплыл в Буэнос-Айрес, откуда вернулся в Бразилию и объехал все ее провинции, но об этом моем путешествии я расскажу в другой книге, теперь же считаю за лучшее на этом закончить.

Научное издание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ:

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей памяти С.И. Семенова

Составитель:
М.В. Кирчанов

Выпуск 8

На русском языке

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать _____.____.2010 г.

Тираж 100

394000, г. Воронеж, Воронежский государственный университет
Московский пр-т, 88, корпус № 8
Факультет международных отношений
8 (4732) 39-29-31, 24-74-02